СЕРГЕЙ ИЛЬИН
КОРОННЫЙ ДОЗНАТЧИК.
ЛЕГАВЫЙ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Сергей Ильин

Коронный дознатчик. Легавый

«Автор»
2020

Ильин С.

Коронный дознатчик. Легавый / С. Ильин — «Автор», 2020 — (Коронный дознатчик)

Я угодил в чужой мир, где с людьми соседствуют орки, эльфы и гоблины, а развитие технологий зависло где-то на уровне позапрошлого века. В магию тут не верят, как и в богов. Считают чудеса, вроде моих новоприобретённых способностей, лишь неизвестными науке феноменами. Однако своих проблем хватает и тут. Мир полон тайн, интриг, заговоров, в круговерти которых теперь предстоит как-то выживать и мне, самому обычному медпреду из Челябинска.

© Ильин С., 2020
© Автор, 2020

Сергей Ильин
Коронный дознатчик. Легавый

Сергей Ильин

«Коронный дознатчик. Легавый»

Пролог.

До города оставалось совсем чуть. Уже и табличка с названием промелькнула, но трасса была практически пустой, а камер Веня не боялся, потому и не стал сильно снижать скорость.

Правда, за ночь подморозило, и местами даже встречалась тонкая наледь. Но новая резина дорогу вроде держала. Только вот ветер очень уж холодный был. Такой, что даже сквозь кожаные штаны и любимую косуху, напяленную поверх защиты-черепахи, один чёрт, до костей пробирал. Да и под рогатым шлемаком уши того и гляди отмёрзнуть грозили. Тут не покатаешь в удовольствие. Уж лучше поскорее до дома долететь. Ноябрь всё же на дворе. Пора байк на прикол ставить и пересаживаться на четыре колеса. И так до последнего дотянул. Ну так для того повод был – братья замутили в предгорьях тусовку с попойкой и с посвящением в тему новообращённых адептов.

Ага, посвятили. Некоторые нажрались так, что вырубились прямо на поляне. А на дворе не май месяц, пришлось оттаскивать их в арендованное бунгало. Одного перебухавшего брателлу Веня сначала попытался допереть, взвалив на плечо. В результате и сам спину чуть не надсадид, и этот чудила клубную жилетку Вене заблевал. Пришлось снимать, убирать, а невменяемого кореша, наплевав на соображения гуманности, буксировать до места, волоча прямо за ногу по земле.

В общем, топить новичкам пропаганду за Всеблагого Рогатого пришлось самым стойким адептам. В том числе и Вене. Правда среди братьев он числился как «Верделет»*. Во-первых, потому что с детства имя своё, постоянно сверстниками в Веника превращаемое, не любил. А во-вторых, потому что в клубе за правильность соблюдения ритуалов отвечал.

Веня обогнал древний тарантас седым дедом за рулём. Не иначе, пейзанин из своего жопомирья с самого ранья в город за покупками намылился. В последний раз перед зимой. Вон как бздит, за руль уцепился.

Твою мать! Впереди какие-то дорожники поставили свой грузовик чуть ли не поперёк дороги.

Еле обогнул и его, а заодно и сунувшегося под колёса придурка в оранжевом жилете.

Что там за хрень у них?! Там дальше на обочине автозак прихерился, а поперёк дороги от него на встречку, туда, где стопорнулся чёрный внедорожник, выскочили какие-то чудилы. Да ещё и стрельбу открыли! Полицаи?!

Попытаться проскочить между непонятными стрелками, рискуя попасть под пули?

Ну его нах! Тем более, в джипаре внезапно так пыхнуло, что даже сквозь затемнённые таблетки очков глаза резануло, как при электросварке. Ещё и дым откуда-то повалил, мгновенно затянув аж все полосы дороги вместе с обочинами.

Веня струхнул по-полной, тормознув и чуть не опрокинув байк.

Куда там его понесло, было совершенно непонятно. Несколько бойцов он сбил, как кегли. Байк, похоже, вынесло на разделительное ограждение. И хорошенько о него приложило, выбив Веню из седла.

Ни черта не видя в плотном дыму, он уже мысленно приготовился приболеть асфальтом, но почему-то вместо этого, закончив недолгий полёт, кубарем покатился по густой высокой траве, нежно принявшей парня в свои объятия.

Это как он так сумел? Летел-то всего ничего, а всё дорожное полотно и даже кювет перемахнул?

Веня поднялся на ноги. Вроде всё цело, всё на месте, ничего не сломал.

Снял шлем и очки, съехавшие набок. Оглянулся.

Абзац! Где дорога-то?! Что за «в чистом поле васильки»?

Ни дороги, ни толпы шмаляющих из огнестрела людей, ни любимого байка. Степь да степь кругом.

И три долбоклюя верхом на лошадях. Стоят справа от Вени и тупо на него пялятся.

Что за сельский бал-маскарад? Какого дьявола эти придурки вырядились в каких-то татаро-монголов времён одноимённого ига?

– Хай, – поднял Веня руку в приветствии. – Это чо за туса тут у вас? Косплеите? Кто тут у вас центровой? Проводите до базы? А то я так гробанулся что, походу, кочаном баг словил. Вообще не врубаюсь, куда попал.

Ряженные кавалеристы переглянулись и один из них что-то невнятно проговорил.

– Чего? – поднял Веня руку к уху. – Хорош бубнить, нормально объясни.

Объяснять придурки ничего не стали, а повытаскивали луки из притороченных к сёдлам саадаков и, молниеносно наложив стрелы, наставили их на обалдевшего парня.

– Вы чего, дебилы, совсем попутали? – возмутился он, но стрела, вонзившаяся в землю прямо промеж ног, оборвала готовую вырваться из груди пламенную речь.

– Да пошли вы! – выдал он, разворачиваясь и напяливая на голову каску. – Не хотите базарить, так и скажите! Какого сразу стрелять-то?

Не успел сделать и пары шагов, как услышал суровый окрик и чуть-чуть не словил ногой ещё одну стрелу. В миллиметре от колена прошла. Похоже, кавалеристы намекали, что не собираются так просто прощаться с байкером.

– В конец охренели, уроды?! – оглянулся Веня. Заметил целившегося ему уже в лоб придурка и, плюнув на гордость, рванул что есть мочи прочь.

Вряд ли бы ему удалось убежать от конников, зачем-то после короткого раздумья поскакавших следом, но всего через несколько шагов Веня наткнулся на валяющийся в траве мотоцикл.

– Давай, железяка, выноси! – взревевший движок заставил почти догнавших уже преследователей тормознуть. Кони нерешительно затоптались на месте, испугавшись непонятного шума, а Веня рванул с пробуксовкой по густой траве.

Куда? Да чёрт его знает!

Звякнувшая о каску одна стрела и другая, вонзившаяся в спину, слава Рогатому, прямо в защиту под курткой, лишь добавили парню решимости убраться отсюда подальше. А уж куда ехать и как он вообще тут оказался, можно будет разобраться и позже.

Примечания:

Верделет* – церемониймейстер ада.

Глава 1.

– Ну, что там у тебя, – я принял из рук Жмыха мешок с уже распутанными завязками и заглянул в горловину.

Вот так сюрпризец! Столовое серебро. Ножи, ложки-вилки, зеркальце в чеканной оправе. А вот и подсвечники из более драгоценного металла.

– Так откуда это у тебя, говоришь? – поднял я хмурый взгляд на гоблина. Хотя и так понятно. Могу поспорить, содержимое мешка полностью совпадает с описью барахла, похищенного из дома Трёхгорного.

– Подкинули нам, – не стал менять своих показаний Жмых. – Мы в «Лошадь» по́темну возвернулись, а у порога жмур. И мешок подле него с побрякушками.

– А ты в курсе, что «побрякушки» эти из дома барона Трёхгорнова?

– Не ве́домо мне, чьи они будут, – сурово насупился гоблин.

– А ведомо тебе, что видели вас с дружками возле особняка. Сам лично видел тебя с корешами на розыскном портрете, со слов свидетеля нарисованном. Да и следы в доме имеются от ваших ног.

– Нет, дознатчик, – замотал Жмых головой, – не может такого быть, в дом один Мелка́ш ходил. Мы с Бугром, как прочухали, что дельце гнилое, в хоромы барские соваться не стали. Токмо Мелкаша заслали глянуть в полглаза, что там да как.

Бугор – это, стало быть, здоровяк, которого я про себя Портосом прозвал. Тот, что наверху меня пивом потчевал. А Мелкаш – невысокий шустрик, который Арамис. Его я сегодня что-то не видел.

– А сначала, я так понял, собирались всё же барона обнести?

– Не имели таких намерений, – не согласился со мной предводитель гоблинской шайки. – Домишко-то, хоть и барский, но не сильно богатый. Там и брать-то особо неча. Я так разумею, подстава то была чистой воды. Нарочно подбили нас и зазря впутали.

– Вот с этого места поподробнее, – воодушевился я. – Кто подбил и во что вас впутал?

– Дык Клариус, будь он неладен. Сказал, в полдень туда двигать. Сам он вроде как хочет подсобить нашему движению и передать ценности на продажу. А ему, мол, токмо и требуется, что с хозяином потолковать.

– Нихрена себе, потолковал, – покривился я, припоминая учинённое в доме побоище. – И какому ещё такому движению?

– Знамо дело, правильному и справедливому, – с угрюмой решимостью сообщил Жмых и поспешил продолжить: – Да токмо мы эльфячему роду не привыкли доверять. У них свои резоны да каверзы, а мы за справедливость. Потому и решили пораньше к месту заявиться, поосмотреться. А в доме том народу полнёшенько. Ну, думаем, надул нас Клариус, можно восвояси убираться. Да вдруг как рвануло совсем недале́че, мы чуть не обделались. Кругом переполох, окна взрывом повыбивало, людишки суетятся-бегают. Мы в миг ходу, да, глядь, а к дому эльф наш прошмыгнул. И там суета почти разом прекратилась. Тихо стало, как на погосте.

– И вы, – подстегнул я умолкнувшего гоблина, – в дом Мелкаша заслали?

– Как токмо Клариус оттуда пятки намылил, так и заслали, – кивнул Жмых. – Но токмо Мелкаш наш ничего в доме не брал. Вернулся вскорь бледный весь. Говорит, Клариус покромсал всех в доме, лишь один из человеков жив и остался. Да и тот весь, поранетый и к стулу привязанный, последние, мол, минуты доживает. Мы и ходу оттуда сразу.

– Что ж вы на помощь не позвали?! – возмутился я. – Могли бы барону жизнь спасти!

– Да ты что, дознатчик, ополоумел?! – не менее импульсивно отреагировал Жмых. – Кто ж нас послушал бы? Нас бы и завиноватили! Повязали да на каторгу, как душегубов каких! А мы не такие, мы всех подряд не режем, мы за правое дело стоим! А эксплуататору тому оно и поделом! Нечего на наших костях разживаться!

– Ты ж сам говорил, что дом бедный, – попытался я усовестить зеленомордого революционера. Сто пудов, Жмых с приятелями в боевиках числятся. Вон как его на почве классовой вражды разобрало. – Не сильно, стало быть, и разжился он на ваших костях.

– Раз барон, – гоблин перестал голосить и перешёл на хмурое ворчание, – значит эксплуататор. И неча его покрывать.

– И не думал, – решил я не лезть в бутылку. – Просто он был очень важным свидетелем. Как и, вон, комиссар. А теперь я у разбитого корыта и не знаю, что делать дальше. Кстати, вы почему именно ко мне решили прийти?

– Так узнали мы Силыча-то, а ты с ним крутился, известное дело, – пожал плечами Жмых. – Ты ж из пришлых, раз в дознатчики сразу угодил. А с комиссаром уже в друзьях. А он, хоть и из легавых тоже, но не из знатных господ и завсегда правильным слыл даже среди нашего

брата. Гниль издаля чуял и сторонкой обходил. Порешили мы, что не стал бы он с гадом каким якшаться. Значится, и поможешь ты нам, подтвердив, что не при делах мы тут никаким боком.

– Ладно, убедил. Считай, что поверил я в вашу невиновность. Только не ясно, зачем Клариусу подсовывать вам труп и вещи украденные? Ну, в смысле, ясно, что подставить хотел. Да только зачем ему это нужно?

– Это ты сам разбирайся, – пожал гоблин плечами. – А у нас других дел в достатке. Ты, главное, покойника отсель увези и побрякушки эти прихвати. Не ко двору они нам и не по понятиям.

– Увезу. Только выносите его сами. А то я тут в такой переплёт угодил, что места живого на мне нет. Болит всё. Боюсь, не донесу. А я пойду своего товарища предупрежу. Не то он решит, что это меня выносят, и перестреляет вас всех сгоряча.

Прихватив мешок с краденой утварью, я двинулся было на выход.

Так, стоп! Вот растяпа, чуть не прощёлкал клювом. У комиссара ведь блокнот был, куда он постоянно что-то записывал.

Вернулся, пошарил рукой по груди покойника. Да, есть что-то похожее во внутреннем кармане.

Сунул руку Броневу за пазуху. Попытался вынуть записнушку, но не смог – дротик, угодивший комиссару в грудь, намертво пришпилил блокнот к телу.

Пришлось сначала напрячься, чтоб извлечь острый снаряд, плотно засевший меж рёбер давно окоченевшего и промёрзшего покойника. Не самое приятное, надо сказать, занятие. Вроде и с трупами иметь дело ещё с первых курсов меда привык, но тут другое. Тут не чужой человек. Хоть и общались совсем чуть, но зато совсем недавно. Вот он почти только что живчиком передо мной скакал, улыбался и балагурил. А вот уже… В общем, неприятно.

Дырка от дротика в верхнем правом углу блокнота. Мешает, конечно, листать страницы, но не сильно. Да и кровь не особо просочилась внутрь записной книжицы. Думается, вполне можно будет понять общий смысл написанного. Главное, найти кого-то, кто переведёт мне каракули Бронева.

А вот это уже вопрос из вопросов: кому можно поручить такое, будучи при этом уверенным, что, во-первых, перевод будет достоверным, а во-вторых, что информация не уйдёт куда налево. Вопрос доверия так до сих пор и остаётся открытым.

Ладно, решу с этим позже. Сейчас нужно тело комиссара в управление доставить, пока его кто-нибудь здесь у гоблинов не обнаружил.

– Кстати, Жмых, у вас тут облава поутру планируется. Мне в управлении сказали.

– Вот за то спасибо тебе, дознатчик. Знатно подсобил, хоть и тоже из легавых будешь. Век благодарны будем.

Мы покинули подвал. Гоблин отправился шушукаться с дружками, а я прямиком двинул на улицу к Митиано.

Дождь так и не прекратился. Несколько холодных капель угодили за шиворот, заставляя поёжится. Какая гадость эта ваша заливная рыба!

– Ты не напрягайся, – подняв воротник сюртука и втянув шею в плечи, я подошёл к орку, поджидавшему меня в машине, – но сейчас состоится вынос тела. Не ошибся ты по поводу комиссара, не виноват он. Клариус ещё с каким-то гадом и его, и князя Снежина одновременно подстрелили. Только князя в лес увезли, чтоб меня выманить и засаду устроить, а комиссара гоблинам подбросили.

– Зачем? – орк глянул на меня недоверчиво, чуть склонив голову, отчего с широких полей его дурацкой ковбойской шляпы ручьём потекла скопившаяся там вода.

– Мне бы кто сказал, – вздохнул я. – Но, судя по тому, что Клариус всё делал с каким-то дальним прицелом, гоблинов он тоже неспроста подставить хотел. Если бы завтрашняя облава его тут обнаружила…

– Так Валяя Силыча когда ещё убили. Сколько дней прошло. Как одноухий мог знать, что коротышки до облавы труп у себя держать будут, а не прикопают в тот же час, как найдут?

– Возможно, – почесал я мокрый затылок, задумавшись, – расчёт и не на сам труп был, а на вещички, из дома Златоустова украденные. Типа эти революционеры их себе присвоят, а жандармы драгоценности обнаружат. Пришьют гоблинам ограбление и убийство Златоустова с челядью. Потом прошерстят тут всё с повышенным тщанием и вдобавок труп комиссара откопают. Вот тебе и доказательства экстремистской деятельности.

– Эй, легавые, – прервал мои размышления грубый оклик какого-то гоблина, вместе с тремя сотоварищами вытащившего на улицу тело комиссара, – чегось не чешетесь? Принимайте зараз груз да валите отсель.

Не очень-то это походило на вечную благодарность.

Митиано в одиночку подхватил плотно завёрнутое в тёмную дерюгу тело и аккуратно уложил его в багажник механической повозки. Хорошо хоть, из-за дождя на улице не видно никого. Не удивлюсь, если за этой гоблинской «малиной» какой-нибудь филер приглядывает. Припишут нам потом сговор и пособничество.

Зябко передёрнув плечами, я залез на пассажирское сиденье:

– Давай-ка в управление поскорее, пока не свечерело. Нам ещё к Холмову потом ехать. Заждался нас уже, поди.

До управы оставалось всего ничего, когда где-то слева, не сильно вдалеке, ярко пыхнуло, а после раздался оглушительный грохот. Мне показалось, что это шандарахнула молния, но серая хмарь над нашими головами совсем не походила на грозовые тучи. Да и Митиано, резко затормозив и сдав назад, торопливо вывернул рулевое колесо.

– Ты чего? – окликнул я всполошившегося орка, что на полном ходу, километров под двадцать в час, «погнал» наш драндулет по боковой улочке.

– Это пирогидрит рванул, – обернувшись, кинул мне громила.

Ну да, вспышка была такой же, как при стрельбе из местного огнестрела, а то и поярче. Только вот зачем кому-то взрывать в самом центре города эту эльфячью гремучую смесь? Опять диверсия какая? Гадство, может, всё же молния?

Хотя нет. В том, что орк прав и дело не ладно, я убедился по раздавшимся звукам выстрелов. Да не каким-то там щелчкам дротовиков, а по тем самым, «громобойным». Впрочем, когда мы подкатили поближе, послышались и выстрелы пружинных ружей.

Перестрелка! Ну вот спрашивается, какого чёрта орк попёр нас прямиком в самую гущу заварившейся каши? У меня же в магазине последние шесть патронов. Шесть, Карл! И больше пополнить боезапас мне не удастся. Разве только обшарить все места своих боевых подвигов, собирая стрелянные гильзы, чтобы потом отдать их Рогову. Авось да сможет как-нибудь перезарядить. Хотя сильно я в том сомневаюсь. Порох тут запрещён, а под пирогидрит мой пистолет не приспособить. Наверное.

Да ещё и сидел я рядом с Митиано на переднем сидении, отчего чувствовал себя совершенно незащищённым. Ни тебе лобового стекла, ни дверей. Всё равно, что на облучке конной повозки сидеть, только перед тобой даже лошадей нет, способных хоть как-то заслонить от шального выстрела.

Хотя были у нашей заводной колымаги и преимущества. В отличие от бензинового двигателя, пружинный механизм почти не шумел. Оттого и нападавших мы заметили первыми, благо они ещё и располагались к нам спинами. Парочка бойцов пряталась за толстые стволы росших по разные стороны улицы деревьев. Ещё двое, прижимаясь к стенам ближайших к перекрёстку домов, стреляли в сторону, видимо, взрывом опрокинутого там на борт однозначно парового автомобиля – котла или двигателя я не видел, но струйка пара, исходящая из повреждённого агрегата, явно на то указывала.

Вероятно, где-то были и другие участники нападения. Потому как охранник-газаг, укрывшийся за убитой рядом с пароходом лошадью, периодически приподнимаясь, стрелял не только в нашем направлении, но и куда-то по сторонам. Крутился-вертелся, будто бешеная помесь Ваньки-встаньки с юлой.

Ещё одному газагу сопровождения совсем не повезло – его повалило вместе со скакуном, скорее всего, самим взрывом.

Какой-то человек быстро высунулся из-за опрокинутого автомобиля и пальнул из «Громобоя» прямо в нас. Твою ж мать! Мало того, что в глазах зарябило от вспышки выстрела, так ещё и пуля брямкнула позади меня в стойку кузовного навеса.

Нафиг такое счастье! Я прямо на ходу выпрыгнул из машины – скорость не такая уж и большая. Легко удержался на ногах и даже навскидку выстрелил в спину ближайшего противника.

Надо же, попал! Мужика выгнуло назад дугой, и он завалившись на стену, стал сползать по ней наземь.

А Митиано тем временем, вывернув руль, направил автомобиль к дереву слева, решив протаранить его, а точнее, бандита, там прятавшегося.

Вот он Гастелло! Совсем сдурел! Это ж надо, разменять жизнь одного лишь злодея на ценное средство передвижения! Сам-то, надеюсь, додумался выскочить?

Ага. И даже успел добежать до второго нападавшего, обернувшегося на жуткий скрежет за спиной— это бедная наша колымага, припечатав жертву тарана к мощному стволу, врезалась в дерево.

Митиано же, подскочив к бандиту, рукоятью своего «Громобоя» засандалил бедолаге по физиономии. Наверное, следовало бы проделать то же самое со своим, оставшимся последним на этой улице и уже развернувшегося мне навстречу, противником, дабы сэкономить боезапас. Но этот гад оказался весьма крупным товарищем. Такого и прикладом калаша с первого удара хрен уложишь.

Выстрелил, целясь здоровяку в грудь. Куда-то попал, но мой оппонент этого словно и не заметил. Да ему эта пуля – как слону дробина! А до громилы всего пара-тройка шагов уже.

Ну на тебе добавку прямо в рожу! Вполне понимаю твоё удивление – по меркам этого мира я пальнул практически из пустой руки без всяких свето-шумовых эффектов, а дыра во лбу всё-таки образовалась.

Всё! Остались лишь нападавшие, скрывающиеся за другими углами перекрёстка. А эту улочку мы с орком зачистили.

Газаг, прятавшийся за лошадью, заметил и оценил наши подвиги и приветственно помахал рукой. А вот высунувшийся из-за парохода стрелок вновь пальнул по нам, мудак, даже не пытаясь вникнуть в суть ситуации. Опять-таки, нет, чтоб по другим секторам огонь вести, они ведь для него гораздо большую угрозу представляют.

Что-то рожа у этого говнюка знакомая. Если не ошибаюсь, это никто иной, как мой новый непосредственный начальник, Толь Францевич собственной персоной.

– Господин фон Чубис, – заорал я, выглядывая из-за дерева, ставшего теперь и моим укрытием, – перестаньте палить по нам! Это я, Штольц!

Надеюсь, действительный статский советник меня услышал. Никаких знаков он не подал, но, по крайней мере, стрелять в нашу сторону прекратил.

– Что делать будем? – окликнул я орка. – Остальных бандитов будем отгонять или ну его нафиг?

Стремления геройствовать и дальше я не испытывал. Щелчки выстрелов из дротовиков не стихали. Причём огонь вёлся теперь с двух сторон, слева и справа от нас. И из-за парохода тоже кто-то выпускал дротики, отстреливаясь. Значит, там не один фон Чубис при оружии.

– Давай к тем, что слева, – скомандовал Митиано.

Что ж, в вопросах тактики ведения уличных боёв я вполне готов ему довериться. У меня-то в большей степени опыт санинструктора имелся. А так, чтобы пострелять, это всё скорее из области пейнтбола и страйкбола. Хотя, конечно, за последние дни мне и пришлось изрядно поупражняться в реальных перестрелках. Но всё равно, пусть тут орк рулит. Он в таких делах, готов поспорить, профи высшего уровня.

– Слева, так слева, – кивнул я и решительно, хоть и без особого энтузиазма, кинулся вслед за орком, успевшим уже завернуть за угол.

Оказывается, тут и не совсем обычный перекрёсток. Не просто широкое пересечение двух улиц, а небольшая площадь, от которой в разные стороны лучами расходятся пять, а нет, даже шесть улиц.

Спрашивается, и на кой ляд этим бомбистам потребовалось нападать на пароход фон Чубиса в таком странном и неудобном месте? Зажали бы на более тесной улочке, и, глядишь, я бы уже получил очередное повышение в должности в связи с внезапно появившейся вакансией. А так мне это действительный советник ещё не раз кровушку попьёт.

Глава 2

Почему нападающие выбрали именно этот перекрёсток, я понял буквально через минуту, когда дробный перестук множества копыт по мостовой возвестил о подоспевшей подмоге. Наряд конных газагов примчался к месту взрыва по одной из боковых улочек. Видимо, по той, что напрямую вела к управлению.

Пока вынесшийся из теснины между домов десяток всадников, рассредоточиваясь по широкой площади, соображал, что тут да как, хитрые террорюги, прекратив стрельбу, пырскнули во все стороны, улепётывая сразу по нескольким направлениям. Газагам пришлось разделяться и по одному-двое пускаться в погоню.

Ну а мы с Митиано благоразумно замерли на месте, опасаясь попасть по ошибке под раздачу тех бойцов, что остались на площади. Я даже подсуетился и поднял в вытянутой руке блестящий золотом значок дознатчика.

Ближайший верховой подъехал, настороженно держа поочерёдно нас обоих на прицеле дротовика, поинтересовался, кто такие будем, и тут же, потеряв к нам интерес, ускакал прочь, заслышав выстрелы где-то неподалёку.

Из-за корпуса опрокинутого парохода вновь высунулась голова Чубиса, и я, пересилив желание улизнуть по-тихому, пошагал к начальнику, аккуратно обходя образовавшиеся местами лужи. Чёрт с ним, по крайней мере, неплохой повод избежать лишней стрельбы и беготни по улицам под моросящим дождём. Пусть этим газаги занимаются. Митиано двинул за мной. Видимо, наконец-то вспомнил, что его послали не бандитов ловить, а меня охранять.

Фон Чубис прятался за автомобилем действительно не в гордом одиночестве. Вместе с ним, оказывается, героическую оборону держали ещё два бойца. Тоже газаги. Оба ранены, один ещё, похоже, и контужен – глаза шалые, ловит воздух ртом и ничерта не слышит.

Коней у ребят поубивало. Вон они, чуть поодаль лежат. Что ж, повезло, что хоть сами относительно целы остались.

А вот от водителя автомобиля удача отвернулась. Посекло-побило его разлетевшимися от взрыва булыжниками. Что хуже всего, голова в кашу, даже смотреть страшно. Хотя с другой стороны, погиб сразу, не мучаясь.

И ещё одному господину в штатском не подфартило. Несмотря на явно дорогой серый костюм-тройку, мужик сидел прямо на сырой от дождя брусчатке, навалившись спиной на машину и прижимая рукой к виску напитавшийся кровью скомканный белый шарф. Его щёгольский котелок, слетев с головы, укатился прочь и валялся в нескольких шагах от машины.

Худое костистое лицо, глубоко и узко посаженные глаза. Поперечный зачёс редких седых волос на макушке пытается скрыть назревающую проплешину. Ни усов, ни бороды, лишь рыжеватые, не успевшие ещё сильно побелеть, бакенбарды.

– Давайте-ка гляну, что там у вас, – подобрав с земли сбежавший от хозяина головной убор, я подошёл к мужчине, который медленно поднял на меня слегка расфокусированный взгляд.

– Ваше сиятельство, – тут же нарисовался рядом фон Чубис и отобрал у меня принесённую шляпу, – позвольте представить вам моего сотрудника, статского советника Штольца, исполняющего обязанности коронного дознатчика. Господин Штольц, перед вами лорд-канцлер граф Ашинский.

Теперь понятно, на кого бомбисты нацеливались. А я-то думал, на кой чёрт им мой начальник сдался. Опять же, вон какой эскорт из газагов за пароходом следовал. Никак не по чину такое сопровождение Чубису, хоть он и фон.

– Моё почтение, ваше сиятельство, – буркнул я, склоняясь над графом. Если ему угодно, пусть считает это поклоном. – Позволите? – аккуратно отодвинул руку, зажимающую рану, осмотрел. – Ерунда, жить будете. Небольшое рассечение. Пустяковое, можно сказать. Хотя головой вы обо что-то знатно приложились. Сто процентов, сотряс заработали. Если сильно будет тошнить, не удивляйтесь. Эй, голубчик, – окликнул я проезжающего мимо газага, – сделай милость, раздобудь у кого из своих лекарские припасы. Нужно господину графу перевязку сделать. А потом я и ваших ребят посмотрю.

Пока я занимался лордом-канцлером, фон Чубис стоял в сторонке, нервно теребя поля графского котелка и, слава богу, помалкивая. Но стоило мне закончить и переключиться на раненых газагов, как этот зануда тут же насел на меня:

– Господин Штольц, что вы выяснили в арсеналах, каковы результаты дознания? Имеются ли необходимые улики? Что значит, ещё не побывал? Я вручил вам предписание едва ль по полудню, а вы до сей поры не выполнили моё распоряжение?! Что значит, другие дела?! Нет дел важнее тех, что я вам поручил!

Может, меня проклял кто-то? Мало того, что в другой мир занесло, так ещё и тут очередной начальник полным говнюком оказался. И так нервы уже на пределе, а он, сука, масла в огонь подливает. И ведь никакая напасть его не берёт – абсолютно невредимым из такой передряги умудрился выкрутиться. Лишь костюм запачкал.

Пришлось выкладывать ему про найденный труп Бронева. Без подробностей, конечно. Сказал только лишь, что в убийстве эльфы виноваты.

Фон Чубис пыл малость поубавил, но выговаривать мне не перестал. И если бы не вмешательство графа Ашинского, выскреб бы он мне мозг, к гадалке не ходи. Или я бы не вытерпел и вмазал, свернув клюв этому самоуверенному дятлу набок и плюнув на карьерный рост ради собственного душевного равновесия. Но лорд-канцлер что-то негромко сообщил враз заткнувшемуся Чубису, и я получил шанс удалиться, не прибегая к насилию.

Драндулет наш, к счастью, несмотря на все «старания» Митиано, оказался на ходу. Благо дело, ходовку не смяло, а заводной механизм и сам двигатель располагались позади пассажирских мест. Раскуроченная же морда и разбитая фара на возможность передвигаться никак не влияли. Так что умчались мы с площади на максимальной скорости, только нас и видели.

Всё же до предела свои отношения с начальством я решил не доводить. Сразу после того, как тело комиссара было доставлено в управление, мы с орком рванули в арсеналы к золотодобытчикам. Шарап Володович Холмов мужик хороший и не виноват, что вместо князя Снежина надо мной этого Фон Чубиса поставили.

Митиано, кстати, можно было смело отправлять таксистом работать. Уверенно вихляя по Селябским улочкам, домчал нас к частному арсеналу на другой конец города всего за полчаса.

Дождь, слава богу, закончился. Инспектор же, до сих пор поджидавший нас в окружении десятка, наверное, жандармов, был хмур, но какого-либо неудовольствия задержкой не высказал. Приподнял, здороваясь, котелок и вполне дружелюбно пожал нам с орком руки. Впрочем, я всё равно не поленился извиниться. И даже частично озвучил причину опоздания.

Холмов с комиссаром был знаком, но, видимо, не сильно дружен. Сожаления выразил, однако довольно скупо, ограничившись лишь парой фраз. После же, подхватив меня под локоток, деловито поволок в сторонку, туда, где за будкой охранников в теньке у высокого забора уложены были рядком несколько трупов. Все укрыты с головой, правда, кто чем попало. Вот что под руку подвернулось, то и в ход пошло. Тут тебе и рваные мешки, и пёстрое покрывало, и даже белоснежная скатерть с узорной вышивкой по краям. Откуда только взялась тут такая?

«Собеседование» с душами покойных ничего особенного не выявило. Злоумышленники, напавшие вчера поздно вечером на арсенал просто нашпиговали дротиками охранников, те даже прочухаться не успели. Лишь один из них умер не сразу, успев заметить достаточно много ворвавшихся через проходную на территорию склада вооружённых людей.

Я постарался разглядеть налётчиков поподробнее и потом описал, как смог, Холмову. Инспектор сделал пометки в каком-то изрядно потрёпанном служебном журнале, затем уточнил, не видел ли я среди лиходеев представителей гоблинской расы (видимо, и ему на эту тему хвоста накрутили), и сообщил, что со склада, судя по описи, пропало несколько больших ёмкостей с пирогидритом. Причём, как я понял, такого количества вполне достаточно, чтобы разнести полгорода. Герцогский дворец так точно стереть с лица земли запросто возможно.

Что-то совсем не ладно в герцогстве. Такие силы и средства задействованы, что даже странно становится. Помнится, наши бомбисты всё больше по двое – по трое предпочитали действовать, когда коронованных особ или их приближённых взорвать пытались. По крайней мере, в школе нам так рассказывали. А тут среди бела дня посреди города целый отряд террористов разгуливает. А ещё один отряд склад грабит со взрывчаткой. Или это одни и те же люди? Орк же сказал, что на площади пирогидрит взорвали. Тисканули здесь взрывчатку и быстренько нашли ей применение. Понятное дело, не всей, а лишь малой её части. Значит можно ожидать в ближайшем будущем ещё каких-нибудь диверсий. Нужно будет поглядеть на тех бандитов, что мы с орком на площади завалили. Может, опознаю кого. А главное, необходимо поскорее герцога в известность поставить. Такая мощь в руках злоумышленников – это вам не шутки.

Вот только Холмов очередные мои намерения повидаться с местным самодержцем самым беспардонным образом похерил. Типа об угрозе терактов он и так уже начальство предупредил, а с результатами моего «опроса свидетелей» отправит в управление вестового. На меня же у инспектора имелись совершенно иные виды.

– Тут, господин Штольц, одно хитрое дело образовалось. Пока я вас тут дожидался, получил депешу с предписаниями. Вас там не упоминалось, но склонен я полагать, что без способностей медиума мне в этом деле никак не обойтись. Знаю, что вы особо важными расследованиями заняты, но осмелюсь-таки просить вас об участии. Тем более, может статься, преступление сие и к вашим делам касательство имеет, ибо затрагивает интересы весьма именитых особ. Посему буду вам премного благодарен за посильную помощь.

– Ну так выкладывайте, Шарап Володович, не томите, – попенял я инспектору, – а то ходите всё вокруг да около.

– Это от того, господин Штольц, что неординарность ситуации даже меня, человека бывалого, лишает душевного равновесия. Скажите, вы ведь на механической колеснице сюда прибыли? Тогда давайте-ка, дабы сэкономить наше время, воспользуемся столь счастливой оказией и прямо отсюда направимся к месту последнего происшествия. Я вам по пути всё в подробностях и обскажу.

Глазом моргнуть не успел, Холмов уже сопроводил меня к машине и принялся втолковывать Митиано, куда тому следует нас всех отвезти. А орк и не подумал кочевряжиться, накрутил ручку завода и сразу за руль, словно ему по городу только в удовольствие колесить. Мы же с инспектором разместились позади на пассажирских местах.

– Начать мне следует, пожалуй, издалека, – повернулся ко мне Холмов, когда машина набрала ход, – дабы вы ознакомились с подоплёкой и прониклись всей степенью тревожности происшествия. Полгода назад в Крутоярске, что на самой юго-западной окраине герцогства, найдена была насильно умерщвлённая девица. Городок уездный, на самых, так сказать, задворках. В силу малости поселения, всё там у всех на виду. Опять-таки, погибшая особа была хоть и не из знатного, но из уважаемого семейства. Потому событие и всколыхнуло весь городок. А как иначе, ежели дочь городского головы обнаружили в самом жутком и неприглядном виде. Мало того, что убиенную нашли средь зимы раздетой донага, так ещё и тело её было измято и истерзано, будто злобным диким зверем. Поначалу даже решили, что оную девицу задрал медведь-шатун, тем более, что и на лице жертвы, и на её теле наблюдались глубокие раны будто от крупных когтистых лап. Однако, поразмыслив, решили, что вряд ли зверь стал бы столь тщательно тело облачения лишать. Не имеет он таких потребностей. Ну, брюхо прям сквозь одеяние вспорет, потроха разворотив, ну, лицо объест, да и то не всегда. Может бросить и уйти, почти не тронув. А так, чтоб платья лишать, уж и подавно не в привычках звериных.

Я согласно покивал, потому как и сам не смог представить медведя, раздевающего девушку догола. Тут явно не зверь орудовал. А инспектор продолжил, словно отвечая на мою невысказанную мысль:

– Однако и человека, на такие зверства способного, вообразить немыслимо. Поскольку причины для подобного действа постичь разумом невозможно. Понятно бы, взалкал кто да ограбил несчастную. Или снасильничал, посколь молода да пригожа была. Ну и умертвил, дабы не опознала после лиходея того. Так ведь не имела жертва при себе ничего ценного. А главное, следов надругательств над честью девичьей эксперты, вытребованные из Селябы, не зафиксировали.

– Ну а другие улики эксперты те не нашли? – не сдержал я своего любопытства. – Следы, может, какие? Там же, раз зима, снег наверняка лежал.

– И снег был, – подтвердил Холмов, – и следов на снегу в достатке имелось. Да толку-то. Селяне накануне наблюдали в окрестностях заезжий табор. А посему, хватившись девицы и решив, что бродяги могли оную умыкнуть, кинулись на поиски всем миром, кто с топорами-вилами, кто с собаками. И, когда сыскали пропажу в пригородном полесье, от избытка рвения и недостатка разумения истоптали всё вокруг так, что и не понять вовсе, кто где наследил. Медвежьих поступов потом, как ни старались, не нашли, лишь собачьи вроде. Но вот на дереве одном, близь жертвы как раз, обнаружили клок звериной шерсти, зацепившийся за расщеп. Длины изрядной да масти такой, что у собак здешних и не сыскать. А ещё на такой высоте, что никакой собаке не дотянуться.

– Может, кто в шубе плечом зацепился?

– Ни у кого из местных, даже у головы городского, отродясь такой богатой одёжи не имелось. Тулупы-то всё больше заячьи да волчьи. Иной раз овчину встретишь. А тут не пойми, что за зверь. Разве что верблюд некую схожесть имеет, ну так откуда ж ему в наших краях взяться?

– И что в результате?

– А ничего. Не выявлен злодей до сей поры.

– Висяк, значит, – скривился я и поспешил разъяснить непонимающе глянувшему на меня Холмову: – Дело осталось нераскрытым и зависло.

– Как есть, зависло, – согласно закивал тот. – Расследование, оно ведь сродни решению арифметической задачи. Собрал по крупицам все улики до мельчайших, произвёл сложения-вычитания и, коли всё сделал верно, получил должный результат. Но, чтобы найти все необходимые слагаемые, недостаточно одного лишь рвения и пытливого ума. Надобно ещё обладать эдаким профессиональным чутьём или, если угодно, нюхом. Дабы интуитивно понимать, в каком направлении следует двигаться в поисках истины, – инспектор разошёлся, оседд-

лав, похоже, любимого конька. – Не зря ведь легавыми нас всяческое отребье именует. Потому как, подобно охотничьему псу, настоящий сыскарь, учуяв преступное зловоние и взяв след, идёт до конца, распутывая самое сложное дело и находя виновника.

Холмов на несколько мгновений замолк, задумавшись. Я уж хотел было вернуть его в изначальное русло беседы, которая явно свернула не туда, но инспектор справился с этой задачей самостоятельно. Встрепенувшись, будто вырываясь из вязкого болота собственных размышлений, он продолжил:

– А в этом деле, господин Штольц, сколько не пытались собрать улик, так и не смогли сложить их воедино, решив задачку. Словно отказал нам профессиональный нюх.

– Ну, тут два варианта, – решил я разбавить затянувшиеся разглагольствования Холмова шуткой. – Либо коронавирус, болезнь это такая, при которой запахи не чувствуешь, либо кто-то посыпал свои следы жгучим перцем.

– Если я правильно понимаю вашу аллегорию, – задумался Холмов, – либо мы сами чего-то не замечаем, в силу недостаточности разумения и собственной зашоренности, либо кто-то с умыслом путает нам след, скрывая истинные улики.

Ничего подобного я не имел в виду, просто ляпнул первое, что на языке повисло. Но мысль, развитая инспектором, выглядела вполне разумной, так что я не стал отнекиваться, а, напротив, состроил умное лицо и даже, покивав, добавил:

– Или, наоборот, подбрасывая ложные.

– Вынужден признать, – удивлённо глянул на меня инспектор, – с подобной точки зрения мы это дело вовсе не рассматривали. Искренне восхищён вашей проницательностью и готов повиниться в том, что первоначально воспринял вас, как человека стороннего и в деле сыска абсолютно несведущего.

Знал бы он, насколько был в том прав. Мой опыт в сфере криминальных расследований основывался лишь на чтении да на просмотрах всевозможных детективных историй.

– Полагаю, – продолжил тем временем Холмов, – следует зарыться в архивы и пересмотреть скопившиеся материалы по всем подобным делам. Авось, да угляжу что-либо ранее упущенное.

– А что, похожих дел было много?

– Истинно так, сударь. Беда наша в том и заключается, что случаи такие стали повторятся с удручающей и даже устрашающей регулярностью. И в местах, что плохо, всё новых. То в одном уезде жертву обнаружат, то в другом. А теперь вот сие мерзкое непотребство и до столицы докатилось, народец всполошив. Но, что хуже всего, поскольку тела погибших находили чаще всего в периоды полнолуния, слухи по земле гулять пошли, что, мол, завёлся в герцогстве самый что ни наесть натуральный оборотень.

Глава 3

– В смысле, оборотень? – настала моя очередь ошарашенно пялиться на инспектора.

– В том смысле, что волколак или ещё кто подобный, – пояснил, пожимая плечами, Холмов.

– Да я не про то. В вашем мире же нет магии, а оборотни существа магические. Никаких научных объяснений превращения человека в зверя нет и быть не может. Вы ведь не верите в волшебство.

– Если я во что-то не верю, это ещё не значит, что такового не существует, – наставительно произнёс инспектор, погрозив мне указательным пальцем. – Тем более, если даже в нашем мире этого нет, то где-то в другом, кто знает, запросто может иметься. А потому, сколь просвещённым человеком я бы себя не считал, отрицать подчистую вероятность подобного феномена было бы совершеннейшим образом непростительно.

– Вы сейчас имеете в виду, что убийца такой же попаданец, как и я, но только явился из магического мира и может даже здесь превращаться в волка? – Я не мог поверить, что Холмов говорит об этом на полном серьёзе.

– Я имею в виду, что обязан допустить даже такую бредовую идею, раз уж напуганные обыватели и даже моё начальство настойчиво о том поговаривают. Учесть и рассмотреть необходимо любую имеющуюся идею, пусть даже самую нелепую и, на первый взгляд, невероятную. Вот когда мы с полной уверенностью сможем сие предположение исключить, тогда лишь станет позволительным отбросить его прочь и вычеркнуть из списка гипотез.

– Кстати, о списках, – вспомнил вдруг я и полез за пазуху. – Инспектор, у меня ведь к вам тоже просьба имеется. Я тут у комиссара книжицу записную изъял и хотел бы к вам, как к человеку в подобных делах понимающему, обратиться за помощью в прочтении записей Валяя Силовича. А то я-то всё ещё не освоил местного алфавита.

– Это вы конечно зря не удосужились, – укоризненно покачал Холмов головой. – В нашем деле без грамотности никак. Ну давайте вашу книжицу, глянем, что там имеется.

– Меня пока интересуют записи, сделанные после моего появления в вашем мире. А это должно быть ближе к концу, – я протянул инспектору записнушку комиссара.

– Так-так-так, – пробормотал тот, листая страницы. – Тут нет имён и полно всяческих сокращений. Но с максимальной долей вероятности могу предположить, что вот эта запись имеет отношение именно к вашей персоне: «Разъездом газагов доставлен иномирец гШ». Думается, что гШ – это и есть вы, господин Штольц.

– Не могу с вами не согласиться, господин инспектор, – кивая, подтвердил я. – И что там дальше?

– Со слов урядника, – продолжил читать Холмов, – наличествуют способности медиума. Расы человеческой, роста выше среднего, волосы тёмно-русые, глаза серо-голубые, лоб высокий, нос прямой. Особых примет не имеет. Ну точно про вас. Один в один описал. Так, дальше. Произвёл опрос гШ. Мир высокотехнологичный. Принцип работы некоторых движителей запредельно… А вот тут, господин Штольц, прочесть невозможно из-за дырки в странице.

– Ничего страшного, – кивнул я, – читайте дальше.

– Что ж, извольте. Управляемые человеком механизмы способны перемещаться под водой, в атмосфере и даже выше её. Хм, надо же! В самом деле? Обязательно потом мне расскажете, – безапелляционно заявил инспектор, прежде чем вернуться к записям. – Та-а-ак… Высокая степень загрязнения мира. Политическая обстановка нестабильна. Сам гШ в большей степени имеет склонность к пассивной оппозиции. Неопасен. Знания поверхностны и бессистемны. Ну это он зря. Глубины знаний с двух слов не определить.

Так, что тут ещё? Отправил депеши с кратким отчётом в КВК. Это он явно про комитет внешнего контроля. Получил определение о запрете на прямое использование знаний гШ, в связи с большой разницей в уровнях развития миров. Дозволено использовать способности, ежели таковые найдут подтверждение, в сфере сыска. Вот это правильно.

Отправил запрос кС, получил согласие. Ну, это он явно про князя Снежина писал, более не про кого.

Произошёл взрыв во второй котельной на ОПМЗ. Съездили с кС и гШ к месту происшествия. Авария неслучайна. гШ подтвердил наличие способностей. Вы всё понимаете, о чём идёт речь?

Инспектор вопросительно поднял на меня взгляд, получил утвердительный ответ и, перелистнув страницу, вновь углубился в текст:

– Прибыл в КВК, составил полный отчёт по работе с гШ. Рекомендовал приставить к нему для охраны оперативника. Получил распоряжение оказать кС содействие в расследовании взрыва. Начальство считает дело имеющим отношение к… Проклятие, тут всё та же дырка.

Через жандармерию и путём опроса постовых выяснил, где сейчас пароход кС. Двигаюсь на встречу с ним.

Узнал от кС, вернувшегося из Карабаша, что переговоры с эльфами вели гМ и ппВ. Получил указание отправиться к городской резиденции бТ для опроса того. Сам кС едет к гР для опроса бЗ.

Тут сами разбирайте, кто есть кто. Совершенно непонятно, хотя, если учесть, что кС – это князь Снежин, могу предположить, что б – это, наверняка, какие-то бароны. И, вероятнее всего, бТ – это убитый намедни барон Трёхгорнов. Ну а гМ, как ни странно, но могу лишь предположить, что это граф Миассов. Больше никого похожего не припоминаю.

Ага, а вот дальше фраза, взятая в кавычки: «Жалкие баронишки, вскорь не будет вас, ни упёртых, ни продажных. Он все ваши земли к рукам приберёт. И алчных пермяков, и всех других вокруг пальца обведёт, ни с чем оставив. Все ваши дома и земли под одну руку сведёт, а затем и своими сделает».

Далее вновь простая запись. Обнаружил бТ при смерти. Оказание помощи не имело смысла. Убийца – эльф К, подозреваемый в устроительстве взрыва на заводе и убийстве работников на оном же. Записал переданные мне бТ слова К.

По тщательному размышлению, пришёл к выводу, что деяния сии выгодны лишь… Увы, очередная дырка.

Определённо, кС ошибается в определении главы заговора. Считаю должным предупредить его. Всё, больше ничего нет, это последняя запись.

Холмов захлопнул и протянул мне блокнот. Произнёс задумчиво:

– Уж и не знаю, насколько вам это помогло, но меня совершеннейшим образом заинтриговало.

– Меня-то как, – вздохнул я. Кое-что, конечно, прояснилось, но основная тайна так и осталась сокрыта за семью печатями. – Инспектор, надеюсь, вы понимаете, что всё это не подлежит огласке и передаче каким-либо третьим лицам?

– Странно, – усмехнулся Холмов, – что вы о том лишь теперь спросили. Но не извольте беспокоиться, я буду нем, как могила. Хотя ваше умение общаться с покойными несколько и преуменьшает безоговорочность данного утверждения.

– Хорошо, я надеюсь на вас.

Я протянул Холмову руку и тот незамедлительно её пожал:

– Можете даже рассчитывать на мою помощь. Как я понимаю, дело государственной важности. Как инспектор сыска и как честный гражданин я готов поспособствовать в меру своих сил и умений. Впрочем, позвольте пока что вас отвлечь от данной темы, поскольку мы практически прибыли. Сударь, – инспектор похлопал по плечу Митиано, – притормозите вон у того крыльца.

Орк, который, как я понял, и являлся тем самым упомянутым в записях оперативником комитета, припарковал нашу механическую колесницу на обочине возле большого кирпичного строения – одноэтажного, но занимающего немалую площадь. Вместо обычных окон лишь ряд крошечных квадратных проёмчиков, расположенных чуть ли не под самой крышей. То ли производственный цех, то ли склад.

Оказалось, второе. Какое-то погружённое в сумрак подзаброшенное хранилище множества громоздких механизмов непонятного назначения. Только некоторые агрегаты затянуты были до пола брезентовыми чехлами, а так всё вокруг давно покрылось пылью и ржавчиной.

Почти по центру помещения неширокий и немного извилистый проход, усеянный мелким, тихо похрустывающим под ногами мусором. А вод запашок присутствовал отнюдь не затхлого забвения. Мерзко-отвратный, надо отметить, запашок. Такой, что, того и гляди, вывернешься на изнанку. Я даже, по примеру ведущего нас инспектора, платком нос прикрыл, чтоб хоть немного поменьше ощущать это смердящее зловоние. Если бы часть окошечек под потол-

ком не лишилась остекления, тем самым несколько усилив вентиляцию в помещении, подозреваю, тут и вовсе невозможно было бы находиться.

– Прошу вас, господа, – обернулся Холмов ко мне и Митиано, – будьте поаккуратнее, не затопчите следы.

Как тут что-то не затоптать, если почти уже и не видно, куда ступаешь? Мало того, что в помещении темно, так ещё и вечерние сумерки подоспели.

– Эксперты уже поработали, – продолжил тем временем Холмов, – но мало ли… Убиенную пока не опознали, но уже установлено, что девица имела возраст юный, обладала девственной чистотой, с коею и после смерти не рассталась. Судя по найденным близь предметам гардероба, украшениям и по содержимому кошеля, жертва не менее как купеческого, а то и дворянского, сословия и значительного достатка.

– То есть, ограбления вновь не было? – уточнил я.

– Именно так, господин Штольц.

Мы приблизились к желтоватому пятну света, образованному пятью развешанными вокруг маслеными фонарями, очень похожими на те, что некогда использовались у нас путевыми обходчиками. Не очень яркое освещение, впрочем, достаточное, чтобы разглядеть труп, лежащий посередине значительно расширившегося прохода. Хотя лучше бы я ничего и не разглядывал. Даже орк за моей спиной издал какой-то невнятный хрюкающий звук при виде растерзанного тела жертвы.

Было с чего. Если бы Холмов не сказал, что труп принадлежит молодой барышне, вряд ли это можно было бы понять, даже несмотря на полное отсутствие на теле одежды. Ну разве что длинные волосы выдавали гендерную принадлежность жертвы. По лицу же не возможно было разглядеть ничего – мало того, что глаза девушки были скрыты повязкой, а изо рта торчал внушительный тугой кляп, так и всё остальное представляло собой какое-то жуткое месиво из глубоких порезов и потемневших опухлостей. Телу досталось не меньше: иссечённая и искромсанная плоть, грубо развороченная грудина с торчащими рёбрами, вывалившиеся наружу внутренности. Руки с ногами и те все переломаны. И всё это в луже давно почерневшей крови и в окружении гадко жужжащих мух.

Лучше даже не говорить, чего мне стоило приблизиться к жертве. Это хорошо ещё, денёк выдался столь насыщенным, что я, не то чтобы поужинать, даже пообедать не успел. Иначе меня сейчас полоскало бы, мама не горюй.

И всё же, я не решился подойти к девушке вплотную. Мысль о возможности вляпаться в вязко-липкую вонючую жижу повергала меня в ужас. А о том, чтобы для ускорения процесса прикоснуться к телу, вовсе не могло быть и речи. Не знаю, с чего меня так расколбасило. Даже где-то в паху такое щемление пошло, будто меня самого сейчас калечить будут. Не впервой вроде и кровь видеть, и с мертвецами дело иметь. Но вот проняло меня до самой, что называется, глубины. И думается, скорее всего, дело тут было в пришедшем вдруг осознании – издевательства совершались не над трупом, а над живой ещё какое-то время жертвой. Иначе и гематом, так деформировавших лицо, не возникло бы, да и рот девушке кляпом не имело бы смысла затыкать. Мёртвые ведь не кричат.

Зато могут всё же кое-что рассказать и показать. Когда я совладал-таки со своим даром, то смог наблюдать жуткую картину. Сильно напуганная девушка неслась по тёмной улице, явно понимая, что её преследуют. Взгляд бедняжки метался из стороны в сторону. Заскакивая на какие-то крылечки или подбегая к воротам оград, она безуспешно пыталась достучаться хоть до кого-то. Но, не дождавшись спасительных звуков отворяющихся запоров или хотя бы приближающихся шагов словно оглохших домоседов, вынуждена была бежать дальше.

Иногда девушка оглядывалась. Будь на улице посветлее от фонарей или хотя бы ясной луны, я бы, возможно, и разглядел так сильно напугавшего свою жертву злодея. Но нет, не имелось ни одного достаточно яркого источника света, и сквозь сгустившийся вечерний сумрак

получалось лишь едва уловить смутные очертания очень необычного преследователя. Тот вроде и на двух ногах передвигался, и руки с головой у него имелись в надлежащем количестве, да вот только пропорции тела как-то не складывались в моём мозгу в человеческий образ.

И впрямь, непонятное чудище какое-то. Ни к громилам оркам, ни к мелкорослым гоблинам отнести это странное существо не выходило. Про эльфов, мало чем отличающихся от людей, и вовсе упоминать не стоило. Уж больно высоко, при среднем-то вроде росте, возносила толстая шея над широкими плечами какой-то странной формы голову. Как не вглядывался в темноту, никак не мог разобрать, что там не так.

Надо сказать, что преследователь даже и не думал бежать. Шагал, хоть и значительно приотстав, но чуть ли не вразвалочку, как-то странно слегка покачиваясь. Неспешно и, видимо, будучи абсолютно уверенным, что жертва никуда от него не денется. Да так оно и было. Улица, по которой в тщетных метаниях передвигалась девушка, всё никак не заканчивалась. Дома, окружённые глухими заборами, стояли по обе стороны дороги вплотную друг к другу, без всяких проулков и даже без малейших зазоров, позволивших бы бедняжке куда-нибудь свернуть. А запершиеся в своих домах-крепостях горожане даже и не думали отворять двери и калитки, подарив беглянке спасение или хотя бы надежду на него.

Но, кажется, впереди бесконечная череда плотной застройки обрывалась. Как я понял, поперёк шла улица пошире. Вроде даже слегка более освещённая. И девушка кинулась туда.

Страх, обуявший её, был столь силён, что даже мне передалась его частица, заставив сердце биться с удвоенной частотой.

– Милана, что с тобой? – Прямо перед носом, перегораживая дорогу, взялась вдруг, чёрт знает откуда, молодая женщина. Широко улыбаясь, она распахнула руки, словно пытаясь поймать мчавшуюся во всю прыть девушку.

– Ой, Поля! Там, там! – услышал я голос бедняжки. Она замедлила бег и остановилась, увязнув в объятиях своей знакомой. Лицо Поли на миг появилось у меня прямо перед глазами. Потом девушка обернулась, позволив мне увидеть спокойно приближающееся чудище.

– Стой же, – чересчур улыбчивая Поля не дала нервно дёрнувшейся девушке вырваться и кинуться дальше прочь.

– Да ты не видишь ли?! – истерично выкрикнула яростно затрепыхавшаяся в цепких объятиях девушка.

Взгляд её метнулся назад и упёрся чуть ли уже не в грудь совсем близко подошедшего монстра. В грудь, кстати, покрытую густой длинной шерстью, как мне показалось, песочного цвета. А потом девушка чуть подняла голову, и моему взору предстала натуральнейшая звериная морда. Вытянутая, крупнозубая, с топырящимися в стороны длинными вислыми ушами и торчащими на макушке витыми, словно два костяных штопора, рогами.

Раскудрить твою взад! Неужели Холмов был прав?!

Зубастая морда рогача сунулась ближе, девушка вновь рванулась, развернувшись к так и не выпустившей её Поле. А та, вцепившись в плечи бедняжки, встала недвижно пограничным столбом, словно и не замечала подошедшего страшного уродливого монстра.

Хотя, нет, заметила, переведя взгляд за спину помирающей от страха девицы. Но, что самое странное, не то, что в лице даже не переменилась, но и разулыбалась ещё шире, словно не чудище несусветное увидела, а приятного знакомца встретила, которого давно тут уже поджидала.

Какое-то резкое движение справа, похожее на взмах мощной лапы, и сознание покинуло жертву.

Если бы этим всё и ограничилось, я был бы просто счастлив. Но нет, девушка действительно оставалась жива ещё какое-то время. Редко повторяющиеся спасительные минуты её беспамятства превращались в моём мозгу в крохотные мгновения, после чего ощущения вновь

вспыхивали взорвавшейся сверхновой и меня начинало корчить и крючить от разрывающей тело и душу нестерпимой боли, перемешенной со всепоглощающим ужасом.

Вытерпеть эти переживания жертвы, передающиеся мне пусть и в слегка смягчённом варианте, я не смог. Разорвал к хренам контакт и обессиленно кулем повалился на пол. Левая нога проехалась по кровавой луже, вспугнув несколько тут же взвившихся в воздух мух, но мне было совершеннейшим образом на это плевать.

На хрен такую профессию! Запретили мне прогрессорствовать, да и бог с вами, я готов прожить тихо-мирно, никого не трогая, забившись в дальний тихий уголок, лишь бы не видеть больше и не ощущать ничего подобного.

Я заскрёб ногами, подбирая их под себя и пытаясь встать. Митиано, ухватив меня за плечо, помог подняться, и я, чуть покачиваясь, рванул на улицу, на свежий воздух.

Глава 4

Я плюхнулся задом прямо на сыроватые, слегка поросшие мхом ступеньки крыльца, наплевав на чистоту брюк и позаимствованного у Снежина сюртука. Да и где она, та чистота? Не успеешь сменить гардероб, как тут же вынужден кувыркаться в грязи, влипнув в очередную переделку. Задолбаешься переодеваться.

– Что вы увидели? – сунулся было ко мне Холмов, выскочивший следом на улицу.

Но я, будучи не в силах что-либо произнести, остановил инспектора, подняв руку.

В горле словно ком застрял. Да и дышал я кое-как через раз, с трудом втягивая в себя влажный вечерний воздух. Этого млядского монстра, распотрошившего девчонку, следует самого покрошить в мелкую капусту, а потом сжечь все кусочки до единого, чтоб, не дай бог, не смог воскреснуть. А то, помнится, все эти оборотни обладают сверхъестественной регенерацией.

– Похоже, вы были правы, – повернулся я к Холмову, когда почувствовал в себе силы разговаривать. – Этот говнюк реально какой-то лютый хренозверь. Можете запасаться серебряными пулями и осиновыми кольями. Сто пудов, оборотень. По крайней мере, харя у него точно звериная. Вот только нифига не волчья.

– Ну и коленца ты, братец, иногда откалываешь, – за спиной инспектора нарисовался Митиано. – Вроде и ясно, о чём говоришь, но всё равно, чудно́ неимоверно. А иной раз и непонятно бывает.

– Полно вам, сударь, – отмахнулся от орка Холмов. – Не время нынче для семантических анализов. Господин Штольц, продолжайте.

– Да что тут продолжать, – нахмурился я, припоминая, как выглядел оборотень, – тело похоже на человеческое, только шея здоровенная, а на ней вытянутая ушастая башка с витыми рогами. В локоть, наверное, длиной. И пасть зубастая. Но зубы, – я напряг память, и страшная морда, маячившая перед мысленным взором, будто я зум на фотоаппарате включил, приблизилась и увеличилась, – зубы у него не как у хищника. Никаких клыков. Скорее, как у травоядной скотины какой-нибудь. Точно-точно, ещё и бородка козлиная. Только шерсть, и вправду, необычная.

– Что-то ещё? – Холмов, делающий какие-то пометки в блокноте, поднял на меня взгляд.

– А ещё у него была помощница, – огорошил я инспектора, в то время как сам попытался освоиться с новыми возможностями моего дара, то приближая морду этого козла-убийцы, то удаляя. И ещё попробовал промотать события немного вперёд или назад.

– Вот как?! – поднял брови инспектор.

– Угу, – кивнул я и поблагодарил Митиано, где-то раздобывшего и протянувшего мне бутыль с водой. Тёплой, но, тем не менее, пришедшейся весьма кстати – в горле пересохло, как с жестокого похмелья.

Сделал пару неторопливых глотков. Полегчало и даже нервное возбуждение малость поутихло.

Выкинул из сознания морду рогатого зверолюда и извлёк из памяти образ его помощницы. Словно прочитанную страницу на экране свайпнул и открыл другую:

– Молодая женщина, правильные черты лица, волосы вроде тёмные, глаза карие, зовут, кстати, Поля. Покойница сама её так называла. Больше и рассказать особо нечего. Одета обычно: платок, кацавейка какая-то да пёстрая юбка в пол.

– Ну хоть что-то, – воодушевлённо заявил Холмов. – С этим можно уже и поработать. Хотя, должен заметить, удивили вы меня преизрядно. Надо же, зверь и вдруг с помощницей. И она его не боялась?

У меня перед глазами тут же возникла подозрительная улыбка женщины.

– Да нет, не думаю. Жертва пыталась убежать от монстра, а эта Поля поймала её, перегородив дорогу.

– Вы уверены, что не ошибаетесь? – инспектор, похоже, не склонен был полностью доверять моим способностям.

Хотя, если учесть мой косяк с Броневым, когда я, основываясь на собственных видениях, обвинил комиссара в убийстве князя Снежина, скепсис Холмова вполне можно считать оправданным.

– Труп второй девушки вроде же не нашли? – попробовал я развеять его сомнения. – Не думаю, что такое чудовище сумело бы ограничить жажду убийства, растерзав лишь одну жертву и оставив в живых другую, если б только та не действовала с ним заодно. Может даже, она тоже оборотень, только перекинуться тогда ещё не успела.

– Возможно, вы и правы, – задумался Холмов. – Никаких других трупов обнаружено не было. Пока.

– А этот, – решил поинтересоваться Митиано, – как нашли? Здание отнюдь не выглядит часто посещаемым.

– Лабаз этот купеческий, – принялся пояснять инспектор, – давно в запустение пришёл, и крыша с дальнего конца прохудилась. Вот мальцы местные и повадились по дереву, что подле растёт, внутрь забираться да в «газаги-разбойники» играть. Заметили свет фонарей, слюбопытничали, сунулись да от испуга разбежались. Лишь один дома проговорился, а родители уже жандармов оповестили.

– То есть, – что-то мозг мой со скрипом переварил информацию, – это не ваши люди принесли фонари? Они там уже были и горели?

– Совершенно верно.

– А хозяев склада не опрашивали? – чуть ли не хором спросили мы с Митиано.

– С хозяевами всё сложно, – посетовал Холмов. – Некоторое время назад лабаз принадлежал купцу Игнатову, что вложился в покупку механических косилок для сельских работ, да опосля сбыть их не смог и чуть по миру не пошёл. Просил у казны вспоможения, да получил отказ с пояснениями, что, мол, будущее государства за паровыми движителями и заводами, а агрария – удел отсталых стран. У купца от конфузов таких произошёл разрыв сердечной мышцы, а отпрыски страдальца после его скоропостижной кончины в наследство вступать не возжелали. Ибо за вычетами налоговыми дело сие больно уж убыточным оказалось. Вот и остался лабаз без надзора. Никто из родственников купца сюда давно и носа не кажет.

– Это точно?

– Точно, точно, – покивал инспектор. – Опросили уже окрестных жителей, те всё подтвердили. Да и вообще кто-либо посещающий лабаз допрашиваемыми замечен не был. Да вот только запор на двери, что с заднего двора внутрь дома ведёт, злодейски сорван, а в заборе бреши имеются достаточные, чтоб желающий проникнуть во двор мог ими воспользоваться. Не иначе, оттуда и проник преступник в лабаз. А раз вы говорите, что в сговоре он ещё с кем-то состоял, не исключено, что место загодя было присмотрено.

– Я вот всё думаю, – перебил инспектора Митиано, – а зачем преступникам свет понадобился? Уж распотрошить жертву и без фонарей несложно было.

Чёрт, меня в очередной раз покоробило то, как запросто орк относится к человеческой смерти. Впрочем, и другие местные жители в чёрствости своей не далеко от него ушли. Это я чего-то, пусть и хорохорюсь, но всё рефлексирую и привыкнуть не могу. Хотя, наверное, пора бы.

А вопрос, в принципе, правильный. Зачем этому зверю кровавое убийство иллюминацией украшать, привлекая к себе лишнее внимание? Уверен был, что не сунется туда никто? Значит, действительно заранее место подобрал, зная, что склад заброшен.

Ладно, пусть Холмов с этим сам разбирается.

– Я, господин инспектор, наверное, вас уже оставлю, – я поднялся с крыльца и отряхнул брюки. – Чем смог, тем помог. Я бы вам ещё посоветовал, как определитесь с личностью жертвы, прошерстить круг её знакомых. Девушка определённо знала эту Полю. И да, чуть не забыл, убитую звали Милана. Надеюсь, это вам поможет.

– Пренепременно поможет, – энергично закивал Холмов, – даже не сомневайтесь в том. И примите мою благодарность и признательность за участие. Обязательно отмечу сие в рапорте.

– Это совсем необязательно, – отмахнулся я.

– Единственное, о чём я ещё позволю себе вас попросить, – инспектор помахал передо мной своим блокнотиком, – вы бы приметы упомянутой подозреваемой художнику служебному передали, дабы тот портрет оной составить смог. Буду ещё более вам признателен. И про напавших на арсенал злоумышленников не забудьте.

– Хорошо, – пообещал я, хотя ничего хорошего в этом не видел. Это ж сколько времени мне придётся с патлатым художником просидеть, всех фигурантов описывая? Хотя, никуда не денешься, действительно ведь надо. А заодно попрошу изобразить мне ушастого приятеля Клариуса. Того гада, что застрелил Снежина с Броневым. Я этого сучонка из-под земли достану.

Вот только заняться этим стоит уже завтра с утра. А то ночь почти на дворе. Я голодный уже, слона бы сожрал. Да и остограммиться не помешало бы – стрессанул я нынче неслабо.

Орк, похоже, был со мной полностью солидарен, потому как повёз меня не напрямую домой, а зарулил сначала в какую-то придорожную харчевню. А я и не сопротивлялся. Ещё на подступах к заведению в нос шибанул такой одуряюще-завлекательный запах еды, что пройти мимо я не смог бы даже под дулом пистолета. Не то что гоблинская забегаловка, от которой за версту несло кислятиной.

Вывеску над входом я, естественно, прочитать не смог, но Митиано любезно озвучил мне мудрёно оформленную, всю в каких-то завитушках, надпись. «Газагов стан» называлось это место, и, как легко было догадаться, столовались тут в основном орки. Потому и выбор блюд я доверил Митиано. Меню тут не подавали, а если б и подавали, и даже если б каракули я местные разбирал, всё равно, проку от того было б ноль – названия этих блюд мне ни о чём не говорили.

Орк заказал подавальщице какой-то «хашпур по-газагски» и пиво, а я обрадовался сразу же поданной рюмочке аперитива. Вот уж воистину, бальзам на душу. Даже несмотря на то, что выпивка оказалась крепковатой. Обожгла горло, заставив откашляться, и пробилась по засаднившему пищеводу в тут же вспыхнувший жаром желудок. Какое-то убойное термоядерное пойло, от которого я в мгновение ока захорошел и расслабился.

К тому моменту, когда принесли наш заказ, я уже практически окосел и заснул. Орку даже пришлось тормошить и расталкивать меня. Впрочем, аромат поставленной на стол еды тоже внёс ощутимый вклад в моё пробуждение.

Что тут у нас? Какие-то лепёшки размером со среднюю сковородку и с загнутыми кверху пышными подрумянившимися краями. А внутри этого запечённого блюда, судя по всему, рас-

топленный сыр, перемешанный с какими-то травками-добавками ещё и залитый сверху сырым яйцом.

– Так, это всё прочь, – заявил Митиано, резким широким жестом отодвигая принесённые вместе с заказом ножи и вилки на край стола. Что-то даже улетело, забрякав, на пол. Похоже, этот бугай тоже словил градус. – Если не хочешь, чтобы здешние ребята относились к тебе, как к бестолковому чужаку и жеманному неженке, ты должен научиться есть хашпур так, как делают это настоящие газаги. Вот так отламываешь край, который и есть по-нашенски пур, размешиваешь сыр с яйцом и быстрее в рот. Давай, братец, пробуй. И вот пивом запивай. Пиво к хашпуру – самое оно.

Я попробовал и не заметил, как умял всю лепёшку. Ещё и пиво всё выхлебал.

Вот теперь мне по-настоящему стало хорошо. Все дневные проблемы отброшены и позабыты. Оставалась единственная забота – добраться до дома, не отключившись по дороге.

Но с этим я, похоже, не справился, потому как утром очнулся в своей комнате, лежа на кровати полностью одетым и даже не разутым.

Голова после вчерашнего, в отличие от бедного избитого и измятого тела, ни капельки не болела. Даже припухшая физиономия не сильно беспокоила. Зато во рту будто эскадрон переночевал. Ну и мочевой пузырь поддавливало так, что разлёживаться долго, плавно приходя в себя, желания не возникало. Сквозанул в уборную, по пути скидывая грязную одежду и, в принципе, переживая лишь о том, что вроде как не собирался больше спать там, где застрелил Люсилию.

Кто-то вчера, я заметил, успел уже прибраться в комнате и даже заменить стекло в разбитом Клариусом окне, скрыв все следы схватки. Но из памяти такие события за день не вытравишь, и ощущение брезгливого отвращения не выветришь.

Добравшись до умывальника, глянул в зеркало. Мама дорогая, на кого же я похож?! Синяки, ссадины, теперь ещё и щетиной зарос. Вот бомжара. Скоро меня, не то что ко двору, в управление не пустят. Нужно хотя бы подбородок бритвой поскоблить, а на щеках пусть бакенбарды отрастают по местной моде. Ну и с усами поэкспериментировать можно. А то с начисто выбритыми физиономиями тут только орки да гоблины рассекают. Хотя возможно, у гоблинов просто на рожах волосы не растут. У них и на головах-то с этим не очень, чтобы очень.

Моё пробуждение и поход в санузел не остались незамеченными для прислуги, и вскоре, громко постучав, в комнату ко мне заявился старик Флипке.

Надо же, а я то уж думал, что он либо сбежал, если был заодно с рыжей эльфийкой и её братцем, либо эти двое пришили старика в случае, если тот вдруг был против.

– Моё почтение, господин дознатчик, – привычно проскрипел старый эльф без всякого, разумеется, почтения, еле заметно склонив голову. Спина же его так и осталась неестественно прямой, словно дед палку проглотил. – Принести вам завтрак в спальню или всё же соизволите спуститься в столовую?

– А что мой приятель орк, уже встал? – я только вышел из-под душа и спешно заворачивал себя в полотенце, одновременно обретая понимание того, что задрых вчера без задних ног с незапертой дверью. А в моём случае это являлось непростительной беспечностью, особенно учитывая, что пистолет с собой в уборную я опять забыл прихватить. Мало ли кому ещё взбредёт в голову сжить меня со свету. Да вот тому же Флипке, например.

– Ваш друг уже проснулся и ожидает завтрак внизу, – чопорно возвестил старик.

– Тогда я тоже вниз спущусь. Как, кстати, твоё здоровье? Люсилия сказала, что ты приболел.

– Наглая ложь, сударь, – гордо вскинул голову эльф. – Здоровье моё в полном порядке, даже несмотря на часы, проведённые в чулане запертым и в связанном виде.

– Вот даже как?!

– Да, господин. Мерзкие убийцы обманом втёрлись в доверие и воспользовались ситуацией, пленив меня. Зная мою преданность дому, они не лишили меня жизни лишь из уважения к старости. Что свидетельствует о неокончательной потере чести этими фанатичными безумцами.

– Что ж, в любом случае, их это не спасло, – нахмурился я, памятуя о результатах нашей схватки, – оба мертвы.

– Они не понимали, с кем связываются, – хмуро изрёк старик и, развернувшись вышел из комнаты, а я остался гадать, что же он имел в виду. Это он про нас с орком, упокоивших ушастую парочку убийц, или про их таинственных нанимателей?

Надо будет потом насесть на старика и порасспрашивать хорошенько. Он ведь не один день с Люсилией в доме Снежиных проработал. И с Клариусом мог пересекаться. И, соответственно, с его дружком, любителем пострелять. С другой стороны, с этим Яном Флипке такая же ситуация образовалась, как и с большинством окружающих меня людей и не людей. Непонятно, можно ли доверять его словам. Сегодня он мне втирает, что его подло обманули, а завтра запросто может запустить в дом новых убийц.

Нет, однозначно в этом мире нельзя верить никому. Даже тому же Митиано, который и не Митиано вовсе. Ну работает он на какой-то там комитет внешнего контроля, ну охраняет меня до поры до времени. Кто знает, что там у этих комитетчиков на уме. Сначала запретили использовать мои знания для прогрессорства, а там, глядишь, и меня самого «запретят».

Ну вот и чего я сам себя с утра накручивать удумал? Уж лучше, как говорится, переживать неприятности по мере их поступления. А то так и до депрессухи недалеко.

В платяном шкафу я обнаружил свою почищенную и отутюженную одежду. Даже и подумать не мог, что после давешних приключений её можно будет привести в надлежащий вид.

Один из сюртуков, тот, что был основательно попорчен дротиками, всё же отсутствовал. Видимо, пришлось-таки выкинуть. А вот второй выглядел вполне респектабельно.

Сорочка, брюки, галстук-бабочка, подаренный княгиней. Жилетка с кольчужной подкладкой и присобаченным на груди значком дознатчика. Малость потрёпанная, но под одеждой не видно будет. Часы на цепочке в левом кармашке – ещё один подарок Снежиной-Карабашской. Нужно хоть выяснить, что с ней да как. А то уехала молчком, и никаких вестей от неё.

Всё, готов, можно спускаться. Сюртук с котелком решил пока не надевать, в комнате оставить. Смысл к завтраку при полном параде да ещё в котелке являться? После за ними поднимусь, перед самым отъездом. А вот пистолет за пояс на всякий случай сунул. Бережёного бог бережёт, пусть даже в этом мире его и нет.

Глава 5

Первым делом после завтрака отправились мы с Митиано в управление. Только практически никого там не застали. Во всём здании, включая даже жандармское крыло, царили тишь да гладь.

Фон Чубис и даже граф Миассов тоже отсутствовали, к немалой моей радости. Потому я и решил не идти в канцелярию к зануде Френкелю, забив в очередной раз на составление отчётов, а двинуть прямиком к Рогову за новым бронежилетом. Тот-то мне и сообщил, что все силы управления брошены на облаву в гоблинский район.

Точно, а я и забыл совсем про это. Хорошо хоть меня к этому беспределу не подтянули, не припахали. Сильно уж от этого дела дерьмецом попахивало.

В желании поболтать Вениамину Архиповичу пришлось отказать. А чтобы тот не обижался, компенсировать отказ разрешением посетить мой гараж и поковыряться в машине. Разумеется, в частном порядке, раз уж экзекуторы запретили делать это на государственном уровне.

Поболтать с забавным стариком мы и позже сможем, а сейчас самое время было сгонять к герцогу Селябскому, предупредить о заговоре и персонах, принимающих в нём участие. Теперь

совершенно очевидно, что граф Миассов, возглавляющий наше управление, увяз в интригах по самое не хочу. Из рассказа барона Златоустов, да и из записей покойного Бронева, следовало, что граф очень активно ведёт пропагандистскую деятельность, шастая по городам и весям Селябского герцогства, да ещё и с пермским дипломатом в компании. Ведь «ппВ» – это определённо помощник посла Вильгорт. Рассказ мадмуазель Кати из борделя я ведь тоже не забыл.

На территорию дворца мы с орком проникли беспрепятственно, припарковав наше авто чуть ли не у самых проходных ворот. Беспечные люди. До понимания, что такое «шихадомобиль», местным безопасникам, как до луны пешком.

Во дворец-то мы зашли, а вот к герцогу прямо так сразу пробиться не смогли. Завязли в приёмной, грубо осаженные наглухо окопавшимся там щеголеватым обер-камергером, что накопил в просторном зале уже немало народу.

Челобитчики, возжелавшие навестить правителя, покорно сидели на стульях, расставленных вдоль стеночек, поплёвывая в потолок да изредка шёпотом переговариваясь между собой. Не иначе, делились своими проблемами. А может, просто сплетничали.

Сидеть в этой вялотекущей очереди я не собирался, но на все уговоры и требования пропустить меня к герцогу, этот наглый дятел-секретарь лишь талдычил, что тут всем срочно надо и все по важным вопросам. И значок мой чуть ли не открытым текстом посоветовал засунуть в самое сокровенное место организма.

Митиано, равнодушно наблюдая за нашей перепалкой, спокойно стоял в сторонке. Мне кажется, будь его воля, он и вовсе по-тихому слинял бы отсюда. Чего тогда попёрся со мной, не понятно. Ждал бы тогда у ворот. Ну а я так просто сдаваться не собирался. Охренеть! Я тут по делу государственной безопасности, а меня чуть ли не нах посылают! Бюрократы долбаные!

На шум выглянул в приёмную какой-то служивый. Кажется, я его видел в кабинете Миассова, когда герцог к нему приходил на меня глянуть. Этот офицер тогда к Селябскому с докладом прибегал. Тоже, наверное, какой-нибудь камер-юнкер. Я уж думал, что с его подачи сейчас сюда заявятся стражники и вытолкают нас с орком из дворца взашей. Но вместо этого в приёмной появился граф Ашинский.

Канцлер, ни слова не говоря, махнул рукой обер-камергеру, заставив того мгновенно заткнуться, и поманил меня за собой. Правда, не в сами покои герцога, а в какие-то соседние с ними апартаменты. Орка, сунувшегося было следом за нами, граф всё таким же молчаливым жестом остановил, велев остаться в приёмной. Ну и правильно. От кого меня тут защищать? Своей поди охраны выше крыши. Только её совсем не видно что-то. Прячутся, что ли?

– Владислав Сергеевич, прошу вас, – канцлер указал мне на стул, а сам устроился за здоровенным рабочим столом, похоже, изготовленным из очень ценных пород дерева. Уж больно рисунок под блескучим лаком был необычным и красивым. Не сосна с берёзой, однозначно.

Оно и понятно – всё же второй человек государства. Что делает факт запоминания моего имени-отчества вдвойне приятным.

– Позвольте прежде всего выразить вам благодарность за давешние хлопоты и радение. Произошедший вчера казус оказался совершенно некстати, в отличие от вашего своевременного вмешательства. А вот теперь рассказывайте, с чем пожаловали? – граф вперил в меня деловито-суровый пронзительный взгляд, в коем легко читался откровенный намёк на то, что причина поднятой мной бучи должна быть невероятно важной. Типа благодарность благодарностью, но отвлекать по пустякам государственного мужа такого ранга – это непростительная наглость.

Вот теперь и подумай, стоит ему всё выкладывать или нет. Не в том плане, что строгий вид Ашинского отбивал желание объясняться с ним. Просто, всё та же мадмуазель Кати, цитируя свою подружку Милену, упоминала канцлера, как лицо, находящееся в дружеских отношениях с господином Вильгортом. Правда, это не указывает на то, что граф Ашинский замешан в заговоре. Помощник посла мог по пьяни и прихвастнуть знакомством с вельможей такого

уровня. С другой стороны, Аша находится чуть ли не на самой границе с Пермским герцогством. Значит, входит в сферу его интересов.

Но опять-таки, не далее, как вчера вечером, я сам был свидетелем нападения бомбистов-террористов на канцлера, что запросто может означать непричастность Ашинского к заговору. Не смогли договориться, вот и решили его устранить.

А то, что эта грубая акция организована именно заговорщиками, определяется количеством нападающих. Трудно предположить, что, кроме орудующих в герцогстве бандформирований луннитов, могут ещё существовать какие-то другие, столь же организованные и многочисленные отряды, совершающие столь дерзкие налёты. Ясное дело, связь между нападавшими на склад со взрывчаткой и покушавшимися на Ашинского людьми – это всего лишь догадки, и их, конечно, стоит ещё перепроверить. И я этим чуть позже займусь. А пока…

В общем, я быстренько поразмыслил и решил, что человеку, и так практически стоящему у руля государства, нет смысла участвовать в заговоре и инсценировать покушение на самого себя. Потому и вывалил ему всю информацию по заговорщикам, что успел нарыть. Вопрос, насколько этично стучать на собственного начальника, мною даже не рассматривался. Я тут без году неделя, а граф Миассов хоть и показался мне вполне приличным мужиком, погнал волну на своего же законного правителя, который импонировал мне ещё больше.

– Что ж, ваши умозаключения имеют некоторый смысл и понятны мне, – подвёл итог граф, выслушав меня. – Однако, я не могу использовать их, как несомненное доказательство участия перечисленных вами господ в заговоре против короны, ибо часть выводов основывается на показаниях источников, не заслуживающих нашего доверия. Другая же часть – ваше собственное понимание записей человека, уже не способного подтвердить или же опровергнуть правильность данных суждений.

– Но есть же показания барона Златоустова, – я вроде и понимал, что Ашинский, в принципе, прав, но всё равно было как-то обидно, что зря старался. – Он подтвердит свои слова. Тем более, что он сейчас в городе.

– Барон Златоустов, как вы сами мне поведали, лишь пересказал слова приходивших к нему иных господ. Он мог и напутать, и сам оговорить кого-либо из неведомых нам побуждений. Всё это требует тщательной перепроверки и дорасследования. Но этим уже не вы будете заниматься.

– Может, всё же лучше арестовать тех товарищей, которых барон назвал? Прижать их, они сами всё расскажут. Иначе можно и упустить время-то.

– Да вы, милостивый сударь, в своём ли уме? – вскинул брови Ашинский. – Арестовать дворян, не имея веских на то причин? Да мы так куда скорее бунта дождёмся.

– Ничего себе, не имея, – хоть и тихонько, но возмутился я.

– Именно, не имея, – граф в этом вопросе был категоричен. – Итоги вашего расследования несомненно будут приняты во внимание. Но для вынесения обвинения их недостаточно. Невозможно сии измышлизмы предоставить в качестве доказательств дворянскому судилищу, председателем которого является сам герцог. И если вам, как медиуму, и вашим специфическим показаниям, мы можем как-то доверять, то для сбора доказательств и дальнейшего расследования такого сложного дела, как заговор против короны, вашей компетенции недостаточно. Да и всерьёз ваши слова суд вряд ли воспримет, поскольку для большинства его членов вы всего лишь парвеню́ – выскочка неизвестного происхождения, волею провидения вынужденный вращаться в высшем обществе.

– Ну спасибо за разъяснения, – надулся я. Подумаешь, рылом не вышел для каких-то там членов. Не очень-то и хотелось.

Ашинский мой настрой заметил и поспешил утешить:

– Напрасно, господин Штольц, обижаться изволите. Ни в коей мере не имею стремления принизить значимость ваших стараний. Обязан также отметить и похвальное ваше стремле-

ние служить короне. Всё, что вы мне сейчас поведали, повторюсь, будет учтено при дальнейшем расследовании, которое проведут мои люди. Открою вам секрет, – канцлер заговорщицки понизил голос, словно кто-то мог его тут подслушать, – в ближайшее время будет произведена реорганизация вашего ведомства. Не зря я её затеял, не зря. Как чувствовал, что не ладно что-то в сием рассаднике ренегатства. Вот и человека своего для пригляду поставил. Только тот тоже не успел ещё собрать достаточно доказательств. Но, поскольку, всё едино, так уж дело складывается, граф Миассов будет отстранён от должности и, вашими стараниями, сослан к себе в имение без права более посещать столицу герцогства. Названные же вами господа, подозреваемые в мятеже, так же получат предписания не покидать свои имения отныне и вплоть до особого на то разрешения.

– И это все репрессивные меры? – удивился я. – Не слишком ли мягкое наказание?

– А это, господин Штольц, не наказание, – чуть склонил голову набок Ашинский. – Нельзя наказывать за недоказанные деяния. Посему и воспоследовать должны не карательные меры, а всего лишь предупредительные.

– Не хотелось бы вам указывать, – покачал я головой, – но подобное сюсюканье с революционерами в моём мире привело к весьма печальным последствиям.

– Что ж, надеюсь, мы избежим участи вашего мира, – не стал вступать в дальнейшие споры канцлер, – раз уж вы считаете её недопустимой. Впрочем, можете на досуге пообщаться с моим помощником и поведать ему историю вашего государства. Запретный вердикт от экзекуторов поступил лишь на использование вас в сфере развития технологий. На ваши же гуманитарные познания, насколько мне известно, сие возбранение не распространяется.

– Обязательно найду время, – кивнул я, а сам подумал, что, если граф имеет в виду фон Чубиса, хрен я с ним надумаю пообщаться. Уж лучше с Роговым поболтать схожу.

– Может быть у вас есть ко мне какие-то просьбы и пожелания, не касающиеся теории заговора? – Ашинский в одной фразе умудрился вроде как и заботу проявить, и жирно намекнуть, что больше мои мысли по данному поводу его не интересуют. Ну-ну.

– Да не о чем особо просить, – пожал я плечами. – Разве что, может, найдётся всё же какой-то способ отыскать в вашем герцогстве трансгрейдер и попытаться отправить меня домой?

– Вам настолько у нас не нравится?

– Дело не в этом. У меня же там родители остались, ребёнок.

– Увы, – слегка поморщился Ашинский, – но такой возможностью мы не располагаем. К сожалению, не имеем данных о наличии в герцогстве подобного устройства.

– Может, вы о нём просто не знаете? – с сомнением посмотрел я на графа. – Ведь не случайно меня именно сюда выкинуло. Значит, в настройках трансгрейдера имелись эти координаты.

Ашинский ответил мне таким же взглядом, только более хмурым.

– Мы изучали таковую вероятность, – задумчиво и, мне показалось, как-то напряжённо произнёс он. – Однако выяснили, что это вовсе не обязательно. При использовании преобразователя он должен перемещаться в пространстве, а вектор его перемещения обязан совпадать с вектором перемещения пользователя. Лишь тогда можно ожидать точности выполнения настроек. В противном же случае, сообразно разнице векторов, возможны изрядные отклонения как по пространственному выбросу, так и по временному. Вы, не являясь обладателем преобразователя, попали под его воздействие случайно, не ведая нужного направления. Потому и координаты перехода могут совсем не соответствовать заложенным в устройство.

– Да, нечто подобное я уже слышал.

– Ну вот видите, – кривовато усмехнулся Ашинский, – мы не пытаемся обмануть вас, скрывая трансгрейдер и желая пренепременно оставить здесь. Ваши опасения напрасны. И, уверяю вас, вам сильно повезло, что очутились в столь прогрессивно настроенном государстве,

а не в каком-нибудь отсталом захолустье, где ваши способности оказались бы вовсе не у дел. Мы же их ценим и всячески стремимся поспособствовать вашему благополучию и сохранности.

– И на том спасибо, – вяло кивнул я. – Может быть, тогда с оружием подсобите? Я уже поднимал вопрос о получении штатного оружия, но получил отказ.

– Тут, пожалуй, и я вам откажу, – развёл руками граф. – Вы и так, словно заправский душегуб, за одну лишь седмицу дней своего здесь прибывания столько мертвецов успели намножить, сколько у нас и за месяц иной раз не набирается.

– Я же не специально, – пожал я плечами. – Обстоятельства так складываются.

– Только учитывая обстоятельства, и спускаем вам с рук таковую бурную деятельность, соизмеряемую разве что с ведением боевых действий во время войны.

– Вы же сами этих луннитов в капусту крошите. Да и с бандитами особо не церемонитесь.

– Этим, милостивый сударь, дозволено заниматься лишь лицам, на то уполномоченным. Вам же следует заниматься дознавательской деятельностью, для коей вы и были приняты на службу, не увлекаясь истреблением неугодных вам лиц. Несомненно, на защиту собственной жизни вы право имеете. За смерти же, к тому не относящиеся, я, господин Штольц, вынужден вам попенять. Мы и ваше тайное оружие пока не изымаем, только лишь надеясь, что применение его будет вами максимально ограничено. В противном случае, считаю своим долгом предупредить, изъятие его станет неизбежным. Вы уж, милостивый сударь, убедительно вас прошу, поумерьте свой пыл.

– Я постараюсь, господин граф,– нахмурился я, решив, что пора отсюда делать ноги. – Не смею вас больше отвлекать. Хорошего дня.

– И вам, сударь, наилучшие пожелания. Слышал, вы успели поучаствовать в деле «крутоярского зверя» и даже уже кое в чём поспособствовали. Вот и продолжайте в том же духе, а уж дела политические оставьте моим специалистам.

Зашибись граф напоследок выдал. Что за фигня такая? Мало того, что конфискацией ствола пригрозили, так ещё пять открытым текстом посоветовали не лезть не в своё дело. То Миассов с фон Чубисом, теперь вот Ашинский. Ну, не хотят от меня помощи, чёрт с ними. Но того гада, что Снежина с Броневым подстрелил я всё равно постараюсь отыскать. Этого запретить мне никто не сможет.

– Я вас услышал, господин граф, – обозначил я вежливый поклон и покинул кабинет канцлера.

– Куда отправимся? – оживился при виде меня орк, всё так же отирающийся в приёмной. Он даже садиться никуда не стал, видимо, будучи уверенным, что надолго я у канцлера не задержусь. И ведь прав оказался.

– В управление вернёмся, – настроение у меня испортилось. Не люблю я, когда указывают, что можно делать, а что нельзя.

Естественно, я не про все ограничения подряд. Человек тем от животного и отличается, что в состоянии сам в чём-либо себя ограничивать, принимая правила и нормы общества, что его окружает. Как там говорится? Свобода есть осознанная необходимость. Если человек осознаёт, что справлять посреди улицы нужду неприемлемо, то он вряд ли посчитает запрет на подобное действие ущемлением собственных прав и достоинства.

Понятное дело, политические интриги – это прерогатива спецслужб, целенаправленно на то натасканных. Но, насколько я могу судить, местная спецура нихрена не чешется, допуская процветание заговора и проведение террористических акций прямо в центре города.

Да и сколько этих специалистов у канцлера? Явно маловато, если судить хотя бы по нашему управлению и количеству людей, занимающихся поддержанием правопорядка. Их же там раз-два и обчёлся. Дознатчиков кроме меня всего двое. Оперов-сыскарей пять человек.

Пять, Карл! На весь город! Если бы не жандармы с газагами, давно пришёл бы герцогству северный пушной зверёк. Погрязла бы страна в беспорядках.

Зато, сука, начальства – пруд пруди. И все тебе тычут пальцем: туда не ходи, сюда свой нос не суй. Чего-то не знаешь, лучше молчи. А если знаешь, то вообще помалкивай.

Всю дорогу до управления я молчал. Митиано, чувствуя моё состояние, с разговорами тоже не лез. Рулил в своё удовольствие да периодически ручку завода подкручивал. Вот у кого проблем никаких. Отправили его меня охранять, он и охраняет, всякой хернёй себе голову не забивая. Может и мне не стоит заморачиваться? Ну их к лешему со своими заговорами. Прибьют кого-нибудь, и чёрт с ними. Сменит один знатный вельможа другого, а для простых людей ничего не изменится.

Хотя герцог всё же старается, к прогрессу стремится. Прибьют пацана, а другой правитель, может быть, возьмёт да похерит все нововведения и начинания. И завязнет герцогство в болоте ещё лет на сто, а может, и на все двести.

А потому ржавый болт вам ребята, я уж как-нибудь сам для себя решу, куда мне лезть, а куда дорогу позабыть. Сейчас в управлении постараюсь отловить художника и озадачить его созданием портретов налётчиков на арсенал, а ещё девушки Поли и мерзкого дружка Клариуса. Ну а потом, куда ветер подует, туда лыжи и навострю.

Глава 6

Порядочно побродив по пустым коридорам управления, мы с орком еле отыскали патлатого юнца, как и в прошлый раз, одетого в совершенно дурацкие короткие шорты на лямках и нелепую кургузую курточку поверх белой сорочки. Шляпа-таблетка и длинный зелёный шарф тоже никуда не делись. Моё настойчивое предложение пойти немного поработать этот эпатажный чучелка принял без особого энтузиазма, очень неохотно покинув небольшую каморку, в которой он до того самым наглым образом дрых на утащенных из коридора и составленных в ряд трёх колченогих стульях.

Пришли с этим толком не проснувшимся деятелем в отдел дознания, а там ротмистр Пехов, который как выяснилось, давно уже поджидал нас с Митиано, бездумно бродя между столами по просторному кабинету. Как обычно, весь из себя при полном параде – в белом золотопогонном жандармском кителе и с саблей на боку. Разве что рука на перевязи по-прежнему вид немного портила. Вот ведь не сидится человеку на больничном. Ещё и ехидничает, паразит. Не успели поздороваться, а он уже едкими шуточками вздумал проехаться по моему потрёпанному виду, который, понятное дело, с момента нашего вчерашнего расставания стал только ещё хуже.

Отмахнулся я от него да принялся наговаривать художнику приметы бандитов. Но только Пехова это ничуть не расстроило, и он быстренько переключился на общение с орком, который по уже сложившейся привычке приютился на подоконнике. Ну как, переключился на общение – просто насел на бедолагу с россказнями о том, как безумно хороша его избранница Анна Германовна, как она красива, как образована и как тонко чувствует и понимает суть вещей. Нашёл, короче, свободные уши.

А на то, что Митиано слушает его в пол уха, ротмистру было плевать. Мне кажется, если бы даже орк закрыл глаза и демонстративно начал храпеть, этот влюблённый обалдуй, фонтанирующий сочными дифирамбами, навряд ли бы заткнулся. Впрочем, его болтовня ни орку, ни мне особо не мешала. Орк молча пялился в окно, я же пытался максимально точно описывать внешность бандитов полусонному юнцу.

При всём своём неопрятном, непрезентабельном виде, а также при явной нелюбви к казённому ремеслу, штатный художник всё же являлся для сыска бесценным кадром, поскольку обладал несомненным талантом. Быстрыми, почти неуловимыми движениями он, внимая моим словам, что-то хаотично и энергично черкал в альбоме, а в результате созданные им портреты как две капли воды походили на образы, вытягиваемые мной из памяти.

Особенно девушка Поля вышла великолепно. Даже улыбочка получилась точь-в-точь, такая же загадочная и зловещая. Аж мурашки противные по спине побежали. Да и эльф вполне прилично получился. При желании, вполне опознать можно.

Только закончили с художником, отпустив его досматривать сны, пришёл Холмов. Очень обрадовался, что я с портретами подсуетиться успел. А вот на мой вопрос, не с облавы ли он вернулся, инспектор, кажется, обиделся. По крайней мере, во взгляде его столько укоризны было, что я тут же извинился за с дуру произнесённую глупость. Нет, определённо, Холмов мужик порядочный. Не зря я к нему интуитивно дружескую симпатию при первой же встрече почувствовал.

Мои извинения инспектор принял просто, ничуть не выёживаясь, и сразу же перешёл к делу:

– Личность погибшей мы установили. Вот, извольте, портрет пропавшей, писаный совсем внедавне к пятнадцатилетию барышни, – Холмов протянул мне небольшую картинку в рамочке.

Надо же, совсем молодая.

– Это вы о чём, господа? – заинтересовался Пехов и подошёл поближе, глянув на портретик через моё плечо. – Красавица какая.

Он подкрутил пальцами свои щёгольские усики, так забавно смотревшиеся на курносом лице, и собрался уже ещё что-то произнести, но орк перебил его.

– Видели бы вы, что с этой красавицей сталось, – буркнул он со своего места у окна.

Я сразу же вспомнил раскуроченный труп девушки, и под ложечкой противно засосало, разливая в груди и по спине неприятный холодок.

– Потом вам всё расскажу, – кинул я Пехову и попросил инспектора: – Продолжайте, Шарап Володович.

– Как я ещё вчера упоминал, – Холмов уселся на один из свободных стульев, снял котелок, положив его рядом с собой на стол, и зачем-то пригладил ладонью лысину на затылке, – по найденным вещам и украшениям было ясно, что жертва была происхождения не подлого. Подняли поутру городские метрические архивы, обнаружили не столь уж много Милан, подходящих по возрасту и сословию. Но, пока сужали круг поиска, родители сами в жандармерию заявились, о пропаже заявив. И полностью подтвердив ваше, Владислав Сергеевич, видение. Милана Ильинична Лебедева – так звали нашу жертву. Дочь знатного купца Ильи Савватеевича Лебедева, почётного горожанина, промышляющего разведением племенного скота. Два десятка крупных хозяйств по уездам.

– Однако, какова ирония судьбы, – задумчиво хмыкнул орк.

Ну да, согласен. Выходит, что папаша скотом торгует, а дочку какая-то рогатая скотина на ноль помножила, в кровавый фарш превратив.

– Думаю, – я протянул портретик обратно Холмову, – нужно на этого бешеного козла охоту устроить, пока он отсюда не свалил.

– Да о чём вы всё толкуете?! – возмутился Пехов. – На кого вы тут ещё охотиться собрались? Господа, изъяснитесь уже, не томите!

– Слышали о «крутоярском звере»? – сжалился я над ротмистром, излучавшим всем своим видом крайнюю степень любопытства и нетерпения. – Нашли здесь в городе очередную его жертву.

– Печально, но факт, – инспектор Холмов кивнул Пехову, подтверждая мои слова. – Однако допускаю, что преступный субъект мог уже и покинуть городские черты.

– Будем надеяться, что ещё нет, – пессимизм сыщика я разделять не хотел, мало ли, что могло этого козломорда здесь задержать. – С чего начнём, инспектор? Есть какие-то задумки? Может, попробуем эту Полю найти?

– Отправимся к Лебедевым, – согласился Холмов, – потолкуем с родственниками и близкими. Возможно, кто-то и знаком с опознанной вами девицей. Если нет, попробуем выяснить круг общения Миланы – где бывала, с кем дружбу водила, откуда могла столь поздно домой возвращаться.

– Давайте тогда поторапливаться, – орк, по-прежнему протиравший задом подоконник, ткнул пальцем в окно, – а то скоро тут слишком шумно будет.

Я подошёл к нему и выглянул на улицу. И правда, к управлению через распахнутые ворота одна за другой стали подъезжать крытые грузовые механические колесницы, сопровождаемые конными жандармами и газагами. Похоже, народ с облавы вернулся.

И точно, вскоре из машин стали в большом количестве выгружать понурых гоблинов, чем-то не устроивших хранителей правопорядка и угодивших под «маховик репрессий».

– Инспектор, пойдёмте-ка отсюда, – повернулся я к Холмову. – А то ещё заставят показания снимать. Вот только людям своим передайте, – я вручил ему портреты бандитов, нападавших на арсенал, – пусть здесь в морге глянут, может узнают кого-то из тех, что мы с Митиано вчера прибили.

– После передам, – сыщик сунул листки к себе в папку, – когда увижу. Пока что здесь нет никого.

– Хорошо. Скажите, а вы сами вот такого субчика нигде не встречали? – выйдя уже в коридор, я на ходу продемонстрировал Холмову портрет эльфа, дружка Клариуса.

– Не припоминаю, – помотал тот головой.

– Плохо, – была у меня надежда, что инспектору эта личность знакома.

Стали попадаться навстречу конвоируемые по коридорам задержанные. Их почему-то не загнали всей толпой в кутузку, а сразу стали разводить по разным кабинетам. Что у них хотят такое выведать? Явки-пароли?

Мы уже почти добрались до выхода, когда я услышал за спиной чей-то громкий окрик:

– Дознатчик! Слышь, дознатчик, погоди!

Оглянулся, поискал крикуна глазами среди арестованных, спешно уводимых со двора в здание.

Вон он, вытягивая шею, выглядывает из-за спины жандарма, активно подпихивающего своего подопечного в сторону дверей.

– Стой, служивый! – окликнул я конвоира и показал ему служебный значок. – С этим я сам поговорю.

Флегматичный жандарм ничего не ответил, просто развернулся и отправился за новым арестантом. А я, махнув гоблину рукой, мол, следуй за мной, двинул к нашей машине.

Благо дело, в полугрузовой колеснице, доставшейся нам в наследство от бандитов, места хватало и для нас с орком, и для Пехова с Холмовым, и даже для подсевшего к ним на заднюю скамейку здоровяка-гоблина, выглядевшего поперёк себя шире.

– Ну, привет, Бугор, – обратился я к зеленомордому революционеру. – Ты какого чёрта здесь делаешь? Я же Жмыха предупредил.

– Так вышло, дознатчик, – скорчил виноватую физиономию гоблин. – Проваландался я да замешкался малёхо. А бегун из меня тот ещё. Вот и повязали суки легавые.

– Но-но! – недовольно нахмурился Пехов и ткнул сидящего рядом с ним Бугра локтем в бок. – Выбирайте выражения, голубчик.

– Сам ты голубчик, – огрызнулся гоблин. Впрочем, как мне показалось, вполне беззлобно. – Мы куда едем-то?

– Мы, – я кивнул на своих попутчиков, – едем на расследование. А ты пока что просто подальше от управления. Высадим тебя через пару-тройку кварталов, и будь здоров.

– Благодарствую, начальник, – одобрительно кивнул Бугор. – За это должок на мне будет числиться. Хоть ты и тоже из легавых будешь, да только завсегда с пониманием к народу. Жмых тебя чётко срисовал.

– Ладно, не свисти мне в уши, – даже не знаю, откуда у меня в лексиконе эта фраза взялась. Как-то само вырвалось. Видать, с кем поведёшься, от того и нахватаешься. – Будет у тебя возможность долг отработать, – к счастью, в голову пришла неплохая мыслишка. – Жмых твой говорил, что вас эльф Клариус с ограблением барона Трёхгорнова подставил.

– Угу, было такое.

– Так вот самого Клариуса мы с Митиано, – указал я на крутящего баранку орка, – на тот свет уже отправили. Но был у него дружок закадычный, с которым мне досмерти хотелось бы повидаться.

– Думаю, – усмехнулся Бугор, – нет смысла спрашивать, зачем он тебе.

Я кивнул и протянул гоблину нарисованный портрет ушастого мерзавца и пояснил:

– Этот сучонок подстрелил комиссара Бронева, тело которого вам потом и подкинул. Думаю, друзьям твоим тоже будет интересно, зачем эльфам так вас подставлять.

– Всё понял, дознатчик, – гоблин свернул листок с портретом вчетверо и сунул за пазуху. – Считай, что забились. Нынче же обскажу всё Жмыху. А пока вели своему механику орку, чтобы он прям тут самоходку остановил. Дальше я сам.

Едва Митиано притормозил, Бугор неожиданно резво для своей комплекции соскочил с подножки колесницы. Машину даже закачало на пружинных рессорах при расставании с пассажиром столь внушительного веса. Я подобного эффекта не наблюдал, даже когда орк из машины выходил. Хотя, может, просто не замечал, потому как обычно сам первым покидал борт авто. Митиано же, похоже, влюбившись в эту колымагу, всегда оставлял её последним, словно нехотя расставаясь с водительским местом.

– Ну, бывайте, легавые, – Бугор хитро подмигнул Пехову и энергично рванул к ближайшей подворотне.

– Вот мерзавец, – возмутился Пехов ему вослед и, обернувшись, с укором посмотрел на меня, забавно сморщив нос и встопорщив усы: – И для чего вы только с подобными типами якшаетесь. Ещё и выручаете, служебным положением пользуясь.

– Ну так, на то оно и положение, чтобы им пользоваться, – вздохнул я. – А иметь его и не пользоваться – только зря место занимать. По крайней мере, я пока другого способа найти убийцу Бронева не вижу. Копаться в этом деле официально мне не дают. Так что пока только так.

Похоже, такое оправдание не устроило Пехова и до конца поездки он больше не проронил ни слова. Так и ехал, надувшись, как мышь на крупу. Даже на подробный и обстоятельный рассказ Холмова об убийстве Миланы Лебедевой ротмистр реагировал молча, лишь удивлённо округляя глаза да гневно играя желваками.

Дом купца Лебедева находился на западной окраине города. Я помнил эти места. Проезжали мы здесь, когда комиссар Бронев вёз меня из станицы газагов в главный город герцогства Селябского.

Миновали несколько кварталов трёхэтажных многоподъездных зданий, оказывается, недавно построенных для будущих рабочих фабрики, возводимой неподалёку. Пока же эти дома превратили в общежитие для строителей плотины, до которой тут рукой было подать. Но мы до неё не добрались, остановились чуть раньше, въехав в посёлок, что называется, коттеджного типа.

Если особняки знати в центре города больше напоминали небольшие дворцы, то здесь домики были попроще и покомпактней. Впрочем, от них всё равно веяло достатком и основательностью. А некоторые строения изобиловали столь вычурными украшательствами, словно

их владельцы, соревнуясь между собой, бились за звание главного архитектурного выпендрёжника на районе.

Лебедев подобной ерундой не страдал, отстроив себе ничем не примечательный, но добротный двухэтажный кирпичный дом, спрятавшийся от глаз прохожих не за высоким дощатым забором, как у некоторых соседей, а за ухоженной рощицей садовых деревьев. Через кованую же невысокую ограду мог бы при желании перемахнуть даже ребёнок.

Калитка в воротах оказалась незапертой, и мы двинули к дому всей прибывшей делегацией. Холмов, первым поднявшийся на крыльцо, подёргал за шнурок звонка. Изнутри послышалось бренчание колокольцев, и через минуту перед нами нарисовался дородный детинушка, резко распахнувший тяжёлую входную дверь чуть ли не настежь. Инспектор еле успел увернуться, чтоб не получить по лбу.

– Чего надобно? – совсем не дружелюбно соизволил поинтересоваться молодой человек, странно стриженый «под горшок» и вряд ли, по моим прикидкам, являющийся прислугой. Не ходят тут лакеи в дорогих костюмах-тройках.

– Управление сыска, – инспектор холодно проигнорировал такое, мягко говоря, грубоватое приветствие. – Имеем намерение пообщаться с Лебедевым Ильёй Савватеевичем на предмет его погибшей дочери.

– Занедужил отец, – и не подумав сменить тон на более вежливый, заявил хмурый молодчик. – После приходите.

– После может быть поздно, – вмешался я. – Преступник может сбежать из города. Как я понял, погибшая является вашей сестрой. Вы ведь не хотите оставить такое жестокое убийство безнаказанным.

– Да я… – парень зло насупился и сжал до побеления кулаки, весьма внушительного размера. У орка нашего не на много крупнее будут.

– Саввушка, – раздался из глубину дома густой бас, – кого там принесло?

– Из сыска пожаловали, – обернулся на оклик парень. – С вами дозволенья побеседовать испрашивают.

– Ну так вели им сюда проходить. Чего на крыльце-то держишь, невежей меня выставляешь?

Саввушка хотел что-то ответить, но передумал. Просто махнул нам рукой, разрешая войти.

– Экая у вас, господа, разнопёстрая компания, – Илья Савватеевич, завидев нас, попытался встать из-за большого овального стола, стоявшего в центре огромной обеденной залы. – Что-то ноги меня не сильно держат, – обиженно посетовал он и, отсалютовав нам зажатой в руке пустой рюмкой, плюхнулся обратно на стул. – Присоединяйтесь, господа. Разделите со мной печаль злую-горькую.

Лебедев широким жестом указал нам на свободные места рядом с собой.

Стоявший на столе большой хрустальный графин, явно наполненный алкоголем и изрядно уже опустошённый хозяином дома, однозначно указывал, к чему именно тот предлагал нам присоединиться.

– Гейка, тащи ещё рюмки господам сыскарям! – лишний раз подтверждая мою догадку, громко крикнул Илья Савватеевич и сердито пристукнул кулаком по столу: – Да поживее там, таракан беременный!

Этот крупный мужик атлетического телосложения и предпенсионного возраста производил на меня двоякое впечатление. С одной стороны, он, как обычный русский мужик, вполне предсказуемо заливал горе водкой, успев уже за короткий срок здорово наклюкаться. А с другой, всем своим видом напрочь рвал мои шаблоны. Я то ожидал увидеть пузатого мужика с окладистой бородой, в красной косоворотке, жилетке да в сафьяновых сапогах. Почему-то именно такой образ возникал у меня в воображении при словах «купец» и «скотопромышлен-

ник». А Лебедев больше напоминал зажиточного пожилого интеллигента, не пренебрегающего спортом и одевающегося в модных европейских салонах. Костюм как с иголочки, короткая стрижка, аккуратные бакенбарды, бородка острым клинышком. Только пенсне не хватало для полноты образа.

Но со зрением у Ильи Савватеевича было всё в порядке. А вот с норовом в подвыпитом состоянии, похоже, не очень. Засланный за рюмками Гейка, парнишка чуть помоложе лебедевского сынка, вскорости явился, неся требуемое и щеголяя свежеприобретённым фингалом, расплывшимся по физиономии вокруг левого глаза.

– Ну где тебя носит, свинячья отрыжка? – рыкнул купец недовольно и в общем-то совсем неоправданно, ибо слуга обернулся за считанные секунды.

Споро расставив рюмки на столе, Гейка поспешил убраться с глаз гневливого хозяина, заставив того самостоятельно разливать спиртное и угощать гостей.

Пить в такую рань? Да ещё и водку! Я не смог сдержать недовольной гримасы. Слава богу, Илья Савватеевич даже не заметил её. В отличие от сынка не в меру глазастого.

Саввушка, явно названный так в честь своего деда, вперил в меня такой злобный взгляд, что я чуть было не потянулся к пистолету, лежащему в кармане сюртука.

Гадство! Теперь, если просто сейчас замахну рюмашку, этот передоросль будет думать, что я испугался его пламенного взора. А не выпить с хозяином никак нельзя. Не та теперь ситуация, когда можно вот так запросто отказаться. Нам с Лебедевым побеседовать нужно, а любое слово поперёк будет принято пьяным купцом в штыки. Упрётся рогом, и чёрта лысого мы от него хоть что-то узнаем. А то и вовсе драться полезет с сынком на пару. Ишь, как бычит, сучонок.

Пришлось изображать на лице максимально презрительную ухмылку, чтобы с вальяжной снисходительностью одарить ею наглого купеческого отпрыска. И лишь потом со всей обходительностью обращаться к хозяину дома:

– Илья Савватеевич, мы, конечно, при исполнении, но из уважении к вам и из сочувствия вашему горю не посмеем отказаться. Однако только по одной рюмочке.

– Договорились, – кивнул Лебедев, наполняя все ёмкости с небрежным переливом. – Но до дна. За мою Миланушку. Прошу, господа.

– Весьма и зело соболезнуем, – инспектор Холмов первым поднял предложенную рюмку. – Земля пухом вашей красавице.

Выпили, как здесь тоже принято, не чокаясь. С минуту помолчали, после чего наконец-то все, чин по чину, представились хозяину. Только тот нас особо не слушал, погружённый в собственные мысли и переживания. С которыми, впрочем, не преминул с нами поделиться.

Следующие минут десять мы слушали откровения Ильи Савватеевича о том, как сильно он любил свою кровиночку, как души в ней не чаял, холил и лелеял, и ничегошеньки для неё не жалел. Даже согласился с просьбой Миланушки и определил её здесь в городе на учёбу в коронный институт благородных девиц, точнее, в мещанское училище при том престижном заведении имеющееся. Хотя он, дескать, и не видел нужды в запудривании девичьих мозгов учёными премудростями, ибо для того, чтобы детей нарожать, много ума не надобно. Хотя после учёбы в институте-то, как ни крути, куда проще найти выгодную партию для замужества. Возможно даже, встретить жениха из благородных, породниться со знатью. Да только теперь уже и не бывать тому из-за подлеца какого-то, руку на душу невинную поднявшего. Вот сидела бы с матерью в уезде, так ничего подобного и не случилось бы.

– Вот тут вы неправы, Илья Савватеевич, – Холмов наконец-то улучил момент и решился перебить душевные излияния купца. – Убийца тот, что слывёт по миру «крутоярским зверем», прежде и по уездам успел дел натворить, безнаказанно злодейства чиня. И до сей поры остаётся неуловимым, хотя пора бы уже взыскать за мерзкие деяния его. Но теперь вот, благодаря господину дознатчику, – инспектор указал на меня, – знаем мы, как выглядит мерзкий убивец.

Да ещё имеем портрет его сообщницы. Вот, не изволите ли взглянуть? Не видали ли таковой барышни среди знакомых дочери вашей?

– Никого я и не видал, – удручённо мотнул головой Лебедев. – Я ж весь в трудах извечно, весь в суете торговой. Знаю только, что от большого ума да энергии неуёмной связалась моя глупёха с другими подружками малахольными, что удумали нести просвещение и свободу угнетённой голытьбе. Хотя кто ж их угнетает? Хочешь сытым быть, иди работай, а не жалуйся. Саввушка, – поискал купец глазами сына, – как там это их общество скаженное прозывается?

– Всенародная воля, отец.

– Точно, так она и называла это товарищество своё. Там у них всё больше студентусы из институтов да училищ ремесленных. Молодёжь, одним словом, умом не окрепшая. Да только не довелось мне никого из этих обалдуев лицезреть. Саввушка, сынок, ты ж с сестрой куда чаще виделся, может, сподобился встретить кого? Глянь лучше ты, – Лебедев налил себе водки, выпил и зажмурился, понуро склонившись, после чего, вздохнув и мотнув головой, поднял хмельной взгляд на меня: – А ты, стало быть, и есть тот иномирец пришлый? Вот скажи мне, иномирец, неужто и в твоих краях такое непотребство творится? Неужто возможно, чтоб ещё где-то такая несправедливость в мире была?

Он размазал кулаком ползущую по щеке слезу.

– Боюсь вас огорчить, но ещё и похлеще бывало. Да и сейчас бывает.

– Эту не знаю, а вот этого видал пару раз, – Саввушка отодвинул портрет Поли и указал на самый верхний из стопки других рисунков. Тех, что Холмов случайно выложил из своей папки на стол.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился инспектор, спешно раскладывая листки, – может, ещё кто вам знаком?

– Вот этот вроде, – указал парень ещё на одного фигуранта по делу о ночном нападении на арсенал. – Других не знаю, не видал.

– Где, когда и при каких обстоятельствах вы общались с этими господами? – Холмов просто светился азартом и разве что ещё откровенно руки не потирал. И впрямь, он сейчас походил на легавую, взявшую след.

– Да не общался я с ними, – немного отстраняясь от настырного инспектора, замотал головой парень.

Но от Холмова так просто было не отделаться. Он насел на Саввушку с расспросами и за несколько минут выжал того досуха, выведав всё, что только представлялось возможным.

Глава 7

Самое главное, узнали, где «всенародовольцы» проводят свои сборища. Совсем, между прочим, не близко от особняка Лебедева. И на заседаниях этого тайного молодёжного общества Милана частенько задерживалась допоздна. Чаще всего её провожал домой кто-нибудь из однопартийцев, а иногда приходил встречал брат. Но вот в тот злополучный вечер ни Саввушка не пришёл за сестрой, ни других провожатых почему-то не подвернулось.

Место преступления от пути привычного следования Миланы тоже находилось далековато. И как сказал Холмов, это вполне могло означать, что жертва была выбрана преступниками отнюдь не случайная. Не первую попавшуюся они схватили и замучили. Специально гады поджидали конкретную девушку, заранее зная, где и когда та будет проходить.

Если согласиться с подобной теорией, похитители должны были не только озаботиться транспортом, чтобы доставить бесчувственное тело на заброшенный склад, но и разузнать наверняка, что возвращаться домой Милана будет в гордом одиночестве. И узнать об этом можно было лишь непосредственно на заседании партии.

А значит, следовало искать среди «всенародовольцев» либо саму Полю, либо ещё кого-то из числа Миланиных единомышленников. Того, кто мог поделиться с убийцами необходимой

информацией. В любом случае, в перспективе нам светила прямая дорога в тайное логово юных бунтарей.

Это что ж такое получается? Ошибался я, похоже. Ещё одна сила имелась, воду в герцогстве баламутящая. Просто варево какое-то крутое из заговорщиков всех мастей.

Пермяки, что надеются отхватить часть территорий и потому засылают подкупленных луннитов – якобы борцов с нововведениями вроде паровых технологий. Затем местная знать, решившая то ли просто отделиться от герцогства и создать автономию, то ли потом к пермякам переметнуться и присоединиться.

Гоблины, недовольные условиями труда и быта. И эльфы, которым не по душе влияние прогресса на экологию. И которые, по словам Рогова, например, могут втайне стоять за всеми видимыми и невидимыми процессами брожений в государстве.

И даже совершенно фантастическая тварь, невесть как существующая в мире, обделённом магией, оказалась связанной со всей этой жуткой неразберихой. Вот пожалуйста, вывела нас на тайное общество студентов – борцов за справедливость и светлое будущее всех и вся. И, зная историю собственного мира, я бы не стал сбрасывать эту компанию молодых идиотов со счетов.

Все эти дела, с которыми мне пришлось здесь столкнуться, теперь напоминали тугой клубок напрочь перепутавшихся ниток. И вроде есть за что зацепиться, но распутать клубок никак не получается. Стоит потянуть за какую-нибудь ниточку, и всё наоборот только ухудшается. Клубок затягивается ещё туже, лишь сильнее меня запутывая.

Конечно, вполне возможно, что Саввушка ошибся, опознав среди нападавших на арсенал приятеля сестры. Мало ли в мире похожих людей. Но проверить и отработать этот след всё равно необходимо.

С Лебедевым еле распрощались. Лишь один аргумент позволил нам убраться подобру-поздорову из дома беспробудно горюющего купца – срочная необходимость поскорее найти убийцу его дочери. И то Холмову пришлось уступить Илье Савватеевичу и выпить ещё разок за упокой души с купцом, в очередной раз пустившим слезу. Бросился инспектор, так сказать, грудью на амбразуру, прикрыв нас и позволив сбежать. Лично я бы после второго стакана, да ещё и без закуски, отправился бы спать, завалившись на любую горизонтальную поверхность. Что было бы совершенно непозволительно – время лишь к обеду, и дел впереди полным-полно.

Я бы сразу отправился на место встречи «всенародовольцев», но они, как выяснилось, собирались там ближе к вечеру. Кто после учёбы, кто после работы. Да и местечко для встреч товарищи революционеры выбрали интересное: школа для неимущих при коронном попечительском совете. А в школе пока что ещё уроки шли вовсю.

Поэтому мы, по просьбе малость захмелевшего Холмова, отвезли его в управу, а сами поехали перекусить. Митиано предложил посидеть в «Газаговом стане», а мы с ротмистром не стали возражать. Особенно я – этот хашпур и впрямь очень вкусная штука.

А вот пообедав, уже покатили к школе. Но только сперва заскочили домой к Пехову, чтобы тот переоделся в гражданское. Смешно было бы прийти на сходку смутьянов в компании с жандармом в форменном мундире. Хуже, наверное, только на пороховой склад с зажжённым факелом заявиться.

Я вообще был против похода ротмистра с нами. Совсем недавно раненный, с незажившей рукой и ещё совершенно безоружный. У Митиано «Громобой», у меня «Макаров», хоть и с тремя последними патронами, а Пехову идти придётся без дротовика. И даже его любимую саблю не получится прихватить.

Я, конечно, надеялся, что мы обойдёмся без шума и пыли, но мало ли что могло случиться. На кой ляд мне потом перед этой Анной Германовной объясняться, почему я её любимого жениха не уберёг.

Но только ротмистру будто вожжа под хвост попала. Решительно заявил, что с нами попрётся во что бы то ни стало. Память, мол, у него отличная, и лица разыскиваемых особ он запомнил, потому лишние глаза будут нам весьма кстати. Ещё и на меня наехал, типа я своей разукрашенной физиономией сам всех в школе распугаю.

Но тут орк за меня вступился. Сказал, что среди студентов сейчас в моде кулачные поединки. Они таким образом перед барышнями своими выкаблучиваются и самоутверждаются. Так что фингалы под глазами в этой среде не редкость. А выгляжу я достаточно молодо и вполне за студента-старшекурсника сойду.

В общем, переоделся ротмистр в серый цивильный костюм и фуражку на котелок сменил. Да только всё равно видно было, что мужик из служивых – выправку военную ни под каким пиджаком не спрячешь. Но вроде, как тот же орк сказал, среди студентов и бывшие военные случаются. Может и прокатит такая маскировка.

Зато вместо сабли я Пехову трофейную бандитскую трость подогнал с потайным клинком. Какое-никакое, а оружие. Всё спокойнее за этого непоседу.

Машину оставили за пару кварталов до школы. Дальше пешком отправились, чтоб лишнего внимания к своим персонам не привлекать. Но встречные прохожие на нашу троицу всё равно периодически косились. Уж больно живописная компания получилась. Особенно, мне кажется, взгляды людей Митиано притягивал. Его-то мы переодеться так и не смогли уговорить. По-прежнему щеголял в кожаной куртке поверх яркой аквамариновой сорочки. Метросексуал недоделанный.

Когда пришли в школу, там уже собралось порядочно народу. Как ни странно, но на нас особо никто внимания и не обратил. Мы без труда вписались в беспрестанное броуновское движение, царившее на этой тусовке «прогрессивного» молодняка. Народ слонялся по помещениям, часто сбиваясь в кучки, внутри которых тут же завязывались какие-то обсуждения или вспыхивали споры, нередко переходившие в бурные перепалки. До драки дело вроде не доходило, но шуму было предостаточно.

Мы, дабы не нарушать порядка вещей, кочевали от одного сборища диспутирующих к другому. В прения, естественно, не вступали, но периодически поддакивали и даже поддерживали криком выступающих, когда их окружение начинало вдруг особо неистово голосить. А сами разглядывали народ в надежде заметить Полю или приятеля Миланы.

Нет, никого похожего. Мы бродили по коридорам и классным комнатам, но безрезультатно. До тех пор, пока народ, прекратив сумбурное языкочесательство, не потянулся организованно к актовому залу. Мы, понятное дело, отправились следом и, влившись в массы, вскоре оказались почти в центре огромного помещения, чуть ли не под завязку заполненного людьми.

Как же много их тут! И по виду не скажешь, что все из неимущих будут. Многие одеты как с иголочки. Да и рожи холёные, голодом да тяжким трудом не измождённые.

Сидеть было негде. Все скамейки кто-то расставил вдоль стен зала, взгромоздив их друг на друга и заставив собравшийся народ стоя слушать выходивших на сцену ораторов. Юноши и девушки с пылающими взорами и, видимо, сердцами поочерёдно втирали своим единомышленникам о бедственном положении трудящихся, эксплуатируемых знатью и государством.

Один из выступающих, судя по внешнему лоску, явно сынок какого-то богатого Буратинки, даже зачитал по бумажке намётки манифеста, должного в скором времени стать выражением воли рабочего люда. Похоже, кто-то старался оформить мысли максимально просто и доходчиво даже для самых безграмотных слоёв населения.

Никаких витиеватостей, всё предельно понятно: народ должен восстать и с оружием в руках завоевать свою свободу. Только на обломках поверженной в прах старой власти можно построить новое общество, в котором не будет места ни знатным господам, ни помещикам, ни владельцам фабрик с заводами, ни даже торговцам, наваривающимся на перепродаже результатов чужого труда.

И пусть в пламени борьбы погибнут даже невинные, ибо жертвы будут неизбежны, но революционеры должны понять и принять своё предназначение. А всем, кому подобное не по нраву, с революцией не по пути. В общем, кто не с нами, тот против нас. Выживут лишь активисты и им сочувствующие. Да и те не все.

– И ведь он явно из приличной семьи будет, – наклонившись к моему уху, зашептал ротмистр, указывая на оратора. – Как же можно об эдаком помышлять? Стало быть и Милана-то Лебедева в сие непотребство ударилась? Так ведь и она не из бедноты, а из купеческой семьи. Как же она против своего-то отца?

– В моём мире, вы не поверите, – повернулся я к нему, – в подобной организации состояла девушка, которая, пусть и седьмая вода на киселе, но была родственницей самого императора. И ведь даже в градоначальника стреляла по политическим соображениям.

– Да неужто возможно такое? – глаза Пехова округлились.

Он хотел ещё что-то сказать, но я поднял руку, прерывая его эмоциональные мыслеизлияния. А всё потому, что мажористого вида оратор закончил вещать и, покидая сцену, пригласил себе на смену сразу двух товарищей.

– А вот и наши герои, господа, – довольно произнёс я, пихнув локтем орка, смотрящего совсем в иную сторону. – Запоминайте. Как соберутся уходить, будем брать. Давайте-ка поближе подойдём пока.

Немудрено, что лицо первого из этой парочки, назвавшегося Андроном Жилябиным, сразу показалась мне знакомым – едва я напряг память, моментально опознал в молодом человеке одного из налётчиков на арсенал. Совсем не того, на которого указал Саввушка, но это было не важно. Где один, там и второй найдётся.

Гораздо важнее было то, что физиономию второго оратора я не смог бы не узнать да и забыть ни при каких обстоятельствах.

Прилично одетый молодой человек стройного телосложения с длинными светлыми волосами, аккуратно зачёсанными назад, забранными в хвост и потому совершенно не скрывающими острых эльфийских ушей. Черты лица изыскано тонки и даже красивы.

Презрительно-равнодушный взгляд тёмных глаз был в тоже время настолько пронзительным, что, наверняка, действовал на окружающих барышень магнетически-притягательным образом. Глядя на такого красавца, и не подумаешь сроду, что стоит перед тобой не смазливый светский хлыщ, а безжалостный убийца.

Вацлав Шварц, товарищ из дружественной «всенародовольцам» организации – именно так Жилябин представил собравшейся публике этого мерзавца, на след которого мне столь безудержно мечталось напасть. А тут, надо же, столкнулся с ним чуть ли не нос к носу.

Я так пялился на остроухого негодяя, что тот, похоже, почувствовал мой переполненный ненавистью взгляд. Пошарил глазами по залу и в конце концов уставился прямо на меня.

Чёрт его знает, сумел ли он понять что-либо по моему лицу, но я будто угодил под рентгеновский излучатель, выдавший эльфу всю мою подноготную. Будто он сразу и в душу заглянул, и мысли прочитал. Только виду не подал. Хотя нет, прежде чем отвернуться, едва заметно ухмыльнулся.

Что бы это могло значить? Мы с этим уродом не знакомы. Узнать он меня не мог. Может, Клариус ему как-нибудь показать меня исхитрился?

– Как же так, – чуть склонился ко мне ротмистр, – они же совсем не похожи на тот рисунок.

– Я потом вам всё объясню. Просто будьте наготове.

– Как скажете, – пожал плечами Пехов и уставился на сцену.

А там тем временем грёбаный эльф чуть выдвинулся вперёд и сменил Андрона, закончившего свою речь.

– Товарищи, братья и соратники! – довольно пафосно начал Шварц, разведя руки в стороны и как будто собираясь обнять всех здесь присутствующих. – Я представляю организацию, которая, как и ваша, борется с несправедливостью в этом мире. Узнав о блестящих акциях, проведённых намедни бойцами вашей партии, я был впечатлён и обрадован. Я возжелал и имел удовольствие познакомиться с Андроном и попросил его дать мне возможность выступить перед вами. И я рад видеть, что здесь собралось так много людей, сочувствующих и готовых вступить в нелёгкую борьбу за правое дело. Да, трудовой народ угнетён и прозябает в бесправии, нищете и в безграмотности. И наша с вами задача, товарищи, отринув жалость, снять с обессилевших плеч невыносимый пресс позорной эксплуатации! – он взмахнул рукой, рубанув ей наискосок. – Но не стоит забывать, товарищи, и о других проблемах нашего мира и нашего герцогства, в частности. Наш правитель ратует якобы за прогресс, пытаясь навязать нам агрегаты, работающие на пару.

«Чем это нам грозит?» – спросите вы. Что ж, я отвечу, товарищи. Смрадный дым паровых двигателей травит воздушный эфир, заставляя и нас задыхаться и болеть. А ещё для прожорливых топок этих железных монстров уже сейчас на дрова вырубаются вековые леса. Ради каменного угля роются бездонные котлованы и шахты, уродующие землю. А работающие там каторжане отдают свои жизни ради чужого достатка. И чем дальше будет развиваться такой прогресс, тем хуже будет становиться наша с вами жизнь. Тем угнетённее будет простой люд. И потворствовать этому мы не имеем права, товарищи. Лишь консолидация наших усилий позволит свергнуть ненавистных тиранов.

Потому ещё одну тему хочу поднять я, товарищи, напомнив вам, что тяжесть бытия довлеет и над иными народами нашего несовершенного мира. И что есть ещё одна сила, вступившая на путь борьбы с несправедливостью. И наше с вами дело протянуть им руку помощи. Я говорю сейчас о младших наших братьях, представителях расы кобл, которых презренные эксплуататоры именуют не иначе, как гоблинами.

Недалёкие представители нашей цивилизации, – эльф указал пальцем вверх, видимо, намекая всё на тех же «эксплуататоров», – считают этот народ никчёмным, ленивым и недостойным хорошей жизни. Но коблы вовсе не такие. И не по своей воле оказались на обочине жизни. Войны и неурядицы вытянули соки из славных коблов, которые тем не менее не прогнулись под гнётом обстоятельств и лишь из стремления сохранить самобытность и независимость вынуждены были скитаться по миру в поисках лучшей доли. Не порочность характера заставила встать их на путь бродяжничества, попрошайничества и воровства, но наше к ним презрительное отношение и непонимание их проблем. А они куда больше достойны уважения, чем те же орки, что, отринув гордость, согласились на службу человекам. И помогая жандармам, цепным псам самодержцев, стали преданным оплотом всяческим тиранам и сатрапам.

Твою мать! Эльф вытянул руку в нашу сторону, указывая на Митиано. После чего, вполне естественно, взоры почти всех окружающих обратились на нас.

Может всё и обошлось бы – Митиано всё же не как строевой газаг одет был. Да и далеко не все орки на службе у «тиранов и сатрапов» состояли. Были среди них и представители вполне мирных профессий. Однако повышенное внимание такого количества людей всё же вылилось в провальную для нас неприятность.

– Товарищи, – раздался из толпы чей-то юношеский голос, – а я знаю вон того франтика с кручёными усиками. Этот тип к моей тётушке женихаться повадился. Так вот он, как известно мне, в жандармерии на службе состоит. И те господа с ним наверняка тоже.

Зашибись картошка с мясом!

Толпа мгновенно отхлынула от нас, образовав небольшое свободное пространство вокруг. Те, кто хотел убраться подальше, продолжили своё продвижение прочь. Но на их место тут же выдвинулись молодчики, настроенные более решительно и агрессивно.

Я вытащил пистолет. И совсем не потому, что считал возможным тремя пулями разогнать толпу – на сцене, глядя на назревающую бурю, хищно лыбился Вацлав Шварц.

Не знаю, на такой ли эффект он рассчитывал, но результатами своей подлой выходки эльф был доволен. И, мне показалось, теперь он собирался ретироваться под шумок, пока мы с орком и ротмистром заняты будем огребанием звездюлей от юных революционеров.

Позволить мерзавцу благополучно свалить я не мог. А потому вскинул руку и выпустил все три пули в мерзавца.

Что ж, несколько отстрелянных магазинов не сделали из меня снайпера.

Первая пуля ушла в молоко, вторая слегка оцарапала Шварцу плечо. Третья и вовсе угодила в бедро Жилябину, за которым ушлый эльф успел спрятаться.

Андрон, надо сказать, воспринял ситуацию вполне героически. Даже раненый, продолжил прикрывать гостя и, сильно хромая, повёл его куда-то за кулисы, видимо, к имевшемуся там запасному выходу.

Нам бы кинуться за ними, но звуки выстрелов не сильно-то и остудили пыл окружившей нас братии. Даже когда орк пальнул из «Громобоя» в потолок, заставив всех на пару мгновений оглохнуть и ослепнуть, народ так и не кинулся врассыпную. Напротив, ублюдки лишь сплотили ряды и с ещё большей ненавистью уставились на нас.

Посыпавшееся сверху крошево белёной штукатурки, словно снегом припорошило наши плечи.

– Товарищи, всех не перестреляют! – проорал грёбаный Шварц, прежде чем улизнуть со сцены. – Бей легавых!

– Надо было в него стрелять, – выговорил я орку расстроенно.

А ответа уже не услышал – с криками, свистом и улюлюканьем, толкаясь и мешая друг другу, товарищи революционеры ринулись в бой.

Глава 8

Пистолет со вставшим на задержку затвором теперь мог сгодиться разве что только в качестве кастета. Жалеть никого из нападавших я не собирался. Все, кто ещё окончательно не расстался с мозгами, уже давно свалили. Поэтому я от души отвешивал пинки, удары и зуботычины любому, до кого мог дотянуться.

Правда вскоре и дотягиваться не нужно стало – яростно вопящий народ упорно наседал, не взирая на раскровяненные физиономии, выкрошенные зубы и отбитые гениталии.

Справа от меня успешно держал оборону Митиано, мощными оплеухами сдерживая натиск раззадорившихся юнцов. Стрелять он больше почему-то не решался. Хотя не известно ещё, что лучше: получить пулю или словить ухом тяжёлый кулак орка.

Ротмистр, что дрался слева, тоже пока не сдавал позиций. Даже не стал извлекать скрытое лезвие и просто орудовал тростью, как палкой, держа руками за оба конца. Почти как Джеки Чан, только без всяких намёков на изящество. Грубо, но эффективно разбивая оппонентам морды и круша рёбра.

Но с каждым мгновением, один чёрт, драться становилось всё труднее и труднее. Слишком много было желающих пообщаться с нами накоротке. Нас тупо зажимали, давя количеством.

Я уже схлопотал несколько раз по роже. Один сучонок «удачно» зарядил мне под дых. Хорошо вложился – я, согнувшись пополам, чуть не задохнулся и не выблевал недавний обед. Шляпа слетела и была тут же затоптана множеством ног.

Меня грубо ухватили за волосы, вздёрнув кверху и вновь придав телу вертикальное положение. Кажется, это был орк, решивший не дать толпе уронить меня. Вовремя. Нападавшие уже подступили вплотную.

Даже не успев толком восстановить дыхание и не имея больше возможности махать руками, я пустил в ход локти, а следом и колени. Очутившемуся прямо передо мной белобры-

сому студентику припечатал лбом по носу, ощутимо хрустнувшему и тут же залившему бедолаге кровью белую сорочку.

Руку с пистолетом перехватили и зажали. Какая-то падла выкрутила кисть, намереваясь вырвать оружие из моей ладони. И уже несколько человек навалились, зажав со всех сторон, утягивая куда-то вбок и отрывая меня от друзей.

Придурку, ухватившему меня за плечо, я впился зубами в запястье, удачно оказавшееся в опасной близости от моего лица. Ещё кому-то уроду сумел заехать каблуком по носку ботинка, припечатав вражескую ногу к полу.

Невероятным напряжением сил и воли еле сумел вырвать руку с пистолетом из захвата, но зато сам тут же оказался поваленным на пол.

Меня принялись давить и топтать. Я извивался и выкручивался, как уж на сковородке. Но всё, чего смог достичь, так это повернуться на бок и сжаться в комок в позе эмбриона, получив хоть какую-то возможность прикрывать голову и живот.

Сука! Кто-то засандалил мне по колену, чуть не выломав его. Пинки прилетали по спине, по затылку, по рукам. Меня спасала лишь чрезмерная скученность нападавших – ни замахнуться им, ни толком прицелиться в такой кутерьме. Но всё равно, наваливали мне неслабо. Кажется, я даже разок ненадолго отключался.

Многочисленные трели жандармских свистков прозвучали, словно божественные фанфары с небес. Ещё некоторое время меня продолжали месить ногами, но вскоре энтузиазм большинства драчунов поутих, уступив место активному их стремлению улизнуть от вломившихся в зал жандармов.

Последних топчущихся по мне товарищей снёс мощными пинками и ударами Митиано. Одним рывком поднял меня с пола и поставил на ноги.

– Живой? – хлопая по мне ладонями, орк принялся отряхивать мою одежду.

– Перестань! – взмолился я. Такая помощь лишь добавляла боли и страданий.

Жандармы вокруг охаживали дубинками спины, а то и головы, не успевших сбежать юнцов, хватали их и под белы рученьки и выводили из зала. Возможно, при других обстоятельствах, я и посочувствовал этим неокрепшим умом балбесам, но только не теперь. Не передать, как я злился из-за сорвавшейся возможности отловить Шварца.

Глянул на ротмистра, тоже, как и я, изрядно помятого, но зато твёрдо стоявшего на своих двоих. Красава. Не зря с нами попёрся. А орку и вовсе всё нипочём, как с гуся вода.

– Давайте, двигайте за мной! – кое-как махнул я обоим приятелям рукой.

Хромая и при каждом движении скрипя зубами от боли, направился к сцене. Нужно было попытаться догнать хитрожопого эльфа. На пару с раненым Жилябиным, он мог и не успеть далеко сбежать.

– Куда вы, господа? – невесть откуда взявшийся инспектор Холмов споро зашагал рядом. – Ну что ж вы так? Как можно ввязываться в подобное бесчинство? Вы ж не дети малые, чтоб так озорничать и проказить! Да и что за забава такая – в самое логово смутьянов втроём соваться?

– Да кто ж знал-то, что так всё обернётся? – кисло покривился я, поднимаясь по ступеням на сцену. – Мы ж просто посмотреть. Вы-то тут как?

– Просто посмотреть… – передразнил меня Холмов, неуверенно двинувшись следом. – Не могли подождать? А ведь всё куда хуже могло бы обойтись. Серьёзное дело, господа. Субъекта ведь, коего Лебедев младший опознал, нашли среди тех трупов, что вашими стараниями после нападения на канцлера остались. Так что я сразу о том начальству и доложил. Да с высокого дозволения всех, кого в управлении застал, сюда с оказией и мобилизовал. Но даже не думал, что у вас разумения хватит сюда так запросто отправиться. Да куда же вы, господа? – остановился он, когда я сунулся за кулисы в поисках выхода.

– Инспектор, хватит нас отчитывать, – поморщился я. – И так тошно. И лучше не отставайте. Тут был эльф, который Снежина с комиссаром подстрелил. Я его ранил слегка. И ещё одного, что с ним был, ранил. Тоже из компании боевиков. Поспешить бы. Может, догоним.

Не догнали. Сбежал Шварц падлюка. Мы какое-то время шли по кровавому следу, оставляемому, скорее всего, Жилябиным. Видать, удачно я ему ногу продырявил. У эльфа-то ерундовая царапина, которая так кровить не должна. А тут накапало столько, что никаких собак для поиска не требовалось – смотри себе под ноги внимательно, и не собьёшься со следа, как ни старайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.